

ОМСКИЙ РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ ::
СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО
:: ХОЗЯЙСТВА И ЛЕСОВОДСТВА ::

ОМСКИЙ РАБФАКОВЕЦ

8 ЛЕТ РАБФАКА.
1920—1927 г. г.

ИЗДАНИЕ РАБФАКА СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА С. Х. И ЛЕСОВОДСТВА
ОМСК. 1927 г.

54:33
57

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЙ ОТДЕЛ.

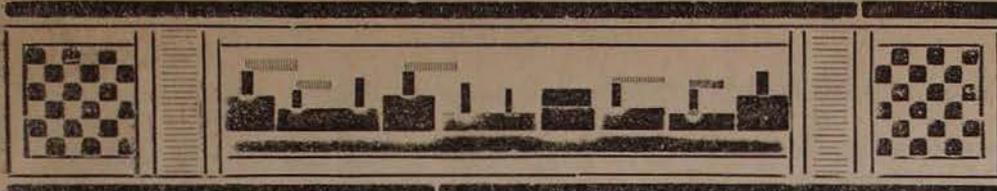
1. „Мне весна в Октябре“ (стих) И. К.
2. „Рабфак и Октябрьская революция“ М. Постников.
3. „Что дал Октябрь нацменам“ Б. Камысов.
4. „Из истории Омского Рабфака“ Ф. Г. Виноградов.
5. „Загородное отделение Р. Ф.“ Н. А. Нейц.
6. „Учебная работа на Р. Ф.“ Н. Н. Ивановский.
7. „Современное состояние Р. Ф.“ И. Сокольский.
8. „Ячейка ВКП (б) Р. Ф.“ В. Прокошин.
9. „Комсомольская работа на Рабфаке“ К. Ашихмин.
10. „Исполбюро профсекций на Р. Ф.“ Барашкин.
11. „Пройденный путь“ С. И. Данилов.
12. „Рабфаковская печать“ Старорабфаковец.
13. „Педагогический кружок на Р. Ф.“ Н. Лепорский.
14. „Внешкольная работа“ М. Постников.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ.

15. „Кто мы“ (стих). И. Факел.
16. „На Рабфак“ „ Заречный.
17. „Рабфаковке“ „ Его же.
18. „С Рабфака“ Его же.

НАБРАНО И ОТПЕЧАТАНО
::: В ТИПОГРАФИИ :::
ОМГОС ПОЛИГРАФ
::: Омск, 1927 г. :::
ЗАКАЗ 198. ТИРАЖ 600.

МНЕ ВЕСНА В ОКТЯБРЕ...

Мне весна не весной,
Не смеюсь я весне...
Я теперь стал другой:
Мне весна в Октябре.

Песни звонкой весны,
Свист и трель соловья
Заменял гимн борьбы,
Мощный гимн Октября.

Я цветов не хочу:
Мне знамена—цветы!
Я ликую, кричу:
Я дождался весны!

Я воскрес в Октябре,
Как весною пчела...
Все трепещет во мне...
Лейся, песня моя!

Лейся в даль—за моря,
На восток и на юг!
Пробуждай ты от сна
Одурманенный люд!

Сообщай о весне,
О октябрьских цветах.
Что так пышно цветут,
В деревьях, в городах.

Мне весна не весной,
Не смеюсь я весне.
Я теперь стал другой:
Мне весна в Октябре.

И. К.

РАБФАКИ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

„Лучший способ отметить годовщину Великой Революции — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее“ (Ленин 1921 г.).

„Рабфаки—выпрямление исторической кривой“.

„У нас,—как справедливо отметил Владимир Ильич,—политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стали. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства. и свойства материального“.

Разрушить старую правду и подчинить широчайшие массы новой правде — в этом смысл культурной революции, и эта колоссальная задача пала на отряд мирового пролетариата, наиболее отсталый, наиболее придавленный всеми видами царско-буржуазного гнета.

Для выполнения этой исключительно трудной и не имеющей готовых образцов задачи пролетариат, разрушая старую культуру, на обломках ее, усвоив лучшее из нее и создавая новую культуру, должен был прежде всего изменить самого себя, создать кадры своих борцов и строителей.

Декретом от 2 августа 1918 г. советской властью дан широкий доступ рабочей молодежи в высшую школу, но тогда же обнаружилась невозможность для большинства заниматься там,—именно в силу тех исторических причин, о которых было уже упомянуто.

Чувствовалось, что линия развития нашего пролетариата должна резко изменить свое направление, и рабфаки и явились орудием „выпрямления“ этой исторической кривой.

Рабфаки—детище Октябрьской революции.

Буржуазия и царское правительство не были заинтересованы в просвещении рабочих масс, и только Октябрьская революция, открыв широкий доступ рабочим в высшую школу, в порядке преодоления встреченных на пути трудностей создала возможность для рабочих учиться в этой высшей школе.

Постановлением НКП в 19 году были учреждены специальные при ВУЗ'ах подготовительные курсы, а 2 февраля 1920 года открыт и первый рабфак (при институте народного хозяйства в Москве).

Рабфаки — „преддверие“ в ВУЗ'ы для рабочих.

Уже в первых постановлениях о курсах по подготовке в ВУЗ'ы — этом первообразе Р.Ф. — основной задачей этих последних выдвигалась необходимость в короткий сравнительно срок (в 3 года) подготовить молодежь для поступления в высшую школу и именно из числа тех, которые по своей общественной и другой работе зарекомендовали

себя, а по возрасту своему лишены возможности использовать школу Соцвоса.

Рабфаки с первых лет своего существования сумели зарекомендовать себя с лучшей стороны, и в минувшем году в имеющихся 62 рабфаках обучалось около 33 тысяч человек, а ежегодный выпуск в ВУЗ'ы достиг десяти тысяч человек.

Рабфаки — олицетворение союза рабочих и крестьян.

Рабочие факультеты не потому называются рабочими, что в них принимаются исключительно рабочие, а потому что в них рабочая часть сохраняет лишь за собой свое влияние и руководство. В рабфаках обучаются рабочие и крестьяне, и первые приняли для себя ленинский лозунг: „Мы должны доказать, что мы умеем помочь крестьянам“.

Рабочая молодежь, ведя за собой в рабфаке крестьян, на опыте показывает, что лучший и единственно верный вождь крестьянства — рабочий класс, и в этом смысле в рабфаке, как в капле воды, отображена проводимая в СССР диктатура пролетариата, находящегося в союзе с бедняцким крестьянством, с которым он совершил и *Великий Октябрь*.

Рабфаковцы — становой хребет высшей школы.

Рабочая и крестьянская молодежь, переваривающаяся в рабфаковском котле, поступаая в высшую школу, выполняет, помимо завоевания ее, и другую задачу — пролетаризацию ее, поистине являясь становым хребтом этой школы. Постановка внешкольной работы в ВУЗ'ах, введение там активных методов, влияние на профессорско-преподавательский состав и на всю систему организации учебно-воспитательного процесса там, — везде чувствуется инициатива, твердо установившаяся революционная сознательность и свойственные рабфаковцу непоколебимая воля и настойчивость.

„Рабфак есть одно из грандиознейших завоеваний Октябрьской революции“.

Так определил рабочий факультет один из основателей рабфаков — профессор *Покровский*, по мнению которого рабфак — „один из тех клиньев, которые вбиты в буржуазную культуру раз навсегда и которых буржуазии никогда не удастся вышибить обратно“.

Впрочем, так же думают и лучшие представители Западной Европы.

Так, посетившая в 1926 г. наш Союз делегация немецких свободомыслящих в своем заявлении отмечает, что „рабочие факультеты, на которых пролетариям открыты чрезвычайно ценные для них области науки, являются учреждениями, совершенно невысказанными в капиталистических странах“. При чем интересно также, что они свидетельствуют в своем заявлении о том, что „взятие власти пролетариатом в свои руки не только не уничтожило культуры, как это лживо утверждают противники советского строя, но, наоборот, именно диктатура пролетариата способствовала подъему культуры, рядом с которыми, — отмечают они, — наши, так называемые, достижения покажутся ничтожными... Наука и искусство, — делается вывод в упомянутом заявлении, — стали в СССР настоящими орудиями культуры и могучим фактором народного воспитания“.

Октябрьская революция продолжается,—задачи рабфаков.

Очевидно, в деле овладения трудящимися массами наукой и искусством мы стоим на правильном пути, и в упомянутых, поражающих иностранцев, результатах сказалась не только правильная политика советской власти, но и революционное сознание самих масс, которые так исчерпывающе полно формулировала тов. *Жуковская*: „Массам необходимо овладеть знанием и притом овладеть им с наименьшей затратой сил“.

В процессе *Октябрьской революции* родилось это сознание, и рабфаки—наилучшее его оформление.

Октябрьская революция продолжается, с каждым днем выдвигаются все новые, все более сложные задачи, и „надо рабочим и крестьянам приложить все усилия,—говорит та же тов. *Крунская*,—чтобы подняться на тот культурный уровень, которого требует от них современный момент“.

Сосредоточивая в день 10-й годовщины *Октябрьской революции* свое внимание, по завету *Ленина*, на нерешенных задачах, мы, рабфаковцы, должны прежде всего проникнуться огромной трудностью стоящих перед нами задач и колоссальной ответственностью, которую взяли на себя, приняв на себя звание рабфаковца.

Конкретно, перед нашей страной и перед нами — задача дальнейшего углубления культурной революции, задача социалистического хозяйственного подъема страны, но, по завету истинного друга и учителя трудящихся—профессора *Тимирязева*, „только наука и демократия, знание и труд, вступив в свободный, основанный на взаимном понимании, тесный союз, осененный красным знаменем — символом мира всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо всего человечества“.

И рабфаки,—детище *Великого Октября*,—олицетворение этого союза: *труда и науки*.

М. Постышков.

ЧТО ДАЛ ОКТЯБРЬ НАЦМЕНАМ?

Мы встречаем 10-тилетнюю годовщину *Октябрьской революции*. *Октябрьская революция* дала свободу всему рабочему классу СССР, в особенности отсталым, прежде угнетенным национальностям.

Создание автономных республик и фундамента социалистического хозяйства в этих республиках, а именно: расширение путей сообщения, постройка фабрик, проведение каналов, электрификация, переход от кочующей жизни к оседлой, раскрепощение женщины, просветительная работа,—вот, что получили от *Великого Октября* отсталые национальности.

Октябрь дал возможность беднякам-нацменам, которые раньше и в мыслях не держали, учиться, получить среднее и высшее образование. Рабфак свидетельствует об этой возможности и является одним из завоеваний трудящихся масс.

Тысячи прежде темных нацменов грызут теперь в стенах рабфака гранит науки, чтобы в будущем, по окончании ВУЗ'ов, снова вернуться к своему народу и там твердо и стойко строить социализм.

В нашем рабфаке татаро-киргизское отделение было открыто на местные средства в 1924-25 учебном году, а с 1926-27 учебного года перешло на госбюджет.

На рабфак ежегодно принимается 20—30 казаков, киргиз и татар.

В 1927-28 учебном году, согласно распоряжения Наркомпроса, татаро-киргизское отделение переименовано в казако-киргизское отделение, так как на территории, обслуживаемой рабфаком, в большинстве своем проживают казако-киргизы.

Курс для них 4 годичный с ежегодным приемом в 60 человек с 1927-28 учебного года.

Таким образом, в настоящем учебном году принято казаков 27, киргиз—14 и сибирских татар—19. Кроме того, на первый основной курс принято 3 корейца (первый случай за 8-милетнее существование рабфака). Кроме того, 9 человек той же национальности обучаются и в русских группах.

Всего за время существования рабфака окончило рабфак и обучается в ВУЗ'ах 4 человека. Это очень мало. Объясняется малое количество нацменов, окончивших рабфак, тем, что нацмены плохо владеют русским языком, и для них тяжел переход к городской жизни и условиям учебной работы, и трудно им за три года окончить рабфак.

Наша задача—процент выпускаемых рабфаковцев-нацменов в ВУЗ'ы увеличить, а для этого необходимо принятаться усердно за учебу, принимать активное участие в общественной жизни на рабфаке и постепенно привыкать разговаривать и читать на русском языке.

Мы надеемся, что при умелом преподавании наших педагогов, при крепкой организованности нацменского студенчества и при помощи русских студентов трудности в учебе будут преодолены и число оканчивающих нацменов с каждым годом будет увеличиваться.

Б. Камысов, студ. 1 к. каз.-кир. отд.

ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОГО РАБФАКА.

I. Первый год.

14 ноября 1919 г. Омск был занят Красной армией, а уже с января 1920 г. началась подготовительная работа по организации омского рабфака, и 21 марта 1920 г. начались занятия.

Это был *первый рабочий факультет в Сибири*, открытый в составе сибирского института сельского хозяйства.

Слушателей записалось до 300 человек, в большинстве своем рабочих и крестьян; немного было красноармейцев и лиц конторского труда.

Основное затруднение заключалось в недостатке помещения (в течение 3 месяцев в здании помещались и другие факультеты сибирского института и партийная школа), в связи с чем и президиум рабфака, и преподаватели, и студенты напрягали все усилия для того, чтобы выйти из этого затруднения.

В начале мая 1920 г. совет сибирского института принял проект летнего семестра для студентов с.-х. института, в том числе и для рабфаковцев. Весь институт, а также и рабфак были переведены в загородное помещение института; рабфаковцы были сняты с работ и получили наравне с другими студентами социальное обеспечение.

С переходом института и рабфака за город, в городе началась организация городского отделения рабфака, и 1 августа 1920 года в

нем открылись занятия (в помещении на углу Лермонтовской и Рабфаковской, д. № 1).

19 августа состоялось первое заседание совета рабфака, на котором был избран президиум в составе: *В. З. Завадьё*, *Н. А. Нейц*, *И. И. Войтова* и от студентов *Громова* и *Мешалкина*.

На 1 октября 1920 г. Октябрь имел в загородной части 180 студентов и в городском отделении—366 студентов.

Упомянутый уже совет факультета состоял из всех преподавателей рабфака, в равном количестве с ними студентов и, кроме того, входили представители заинтересованных учреждений и организаций, согласно устава. Совет собирался по мере надобности. Для постоянной работы был избран президиум: *Завадьё*—декан факультета (он же председатель совета), его заместитель — *Нейц*; заведывающий учебной частью (ученый секретарь) *Войтов*; по делам студенчества—*Громов*; по хозяйственным—*Мешалкин*. Обе части рабфака—загородная и городская—были признаны единым факультетом, с единым советом и президиумом, при чем три члена президиума находились в городе, а двое—заместитель и студент—в загородной части.

В конце 1920 г. были обнародованы два законодательных акта большой важности, в корне изменившие положение рабфаков.

Первый из этих актов (постановление Совнаркома от 4 июля 1920 года о высших технических учебных заведениях) устанавливает, что в первую очередь должны приниматься на специальные факультеты ВТУЗ рабочие, оканчивающие рабфаки, которые должны быть открыты при всех ВУЗ'ах.

Второй—постановление Совнаркома от 17 сентября того же года о рабфаках—установил снятие членов производственных союзов, делегируемых этими последними на рабфаки, с работ на все время пребывания их в стенах таковых. Принятые студенты несут учебную повинность со строжайшим контролем над их занятиями.

6 октября 1920 года Сибревком опубликовал постановление о снятии с работ студентов рабфака и о их милитаризации. Это вызвало необходимость реорганизовать весь рабфак сверху донизу.

Весь октябрь и часть ноября 1920 года прошли в перестройке. Была создана комиссия из представителей соответствующих учреждений: сибпрофобра, ВЦСПС, совнархоза и рабфака—на предмет определения, кто из студентов может быть снят без ущерба для дела с работ и откомандирован на рабфак.

По окончании работ комиссии рабфак открыл дневные занятия в составе 10 групп (при триместровой системе), в количестве 270 чел.

Занятия велись с 9 час. до 12 часов 10 мин., затем обеденный перерыв и с 2 до 5 час. 10 мин. снова классные занятия.

Одновременно с переходом на дневные занятия в городской части пришлось организовать собственную столовую на 300 человек, а затем и общежитие (конечно, после усиленных хлопот и забот).

Вследствие невозможности справиться с текущей работой, количество членов президиума было доведено до 8 человек: 5 человек в городе и 3 в загородной части.

Так как согласно упомянутого декрета каждому ВУЗ'у и ВТУЗУ надлежало иметь свой рабфак, в Омске нужно было открыть не только при сибинституте, но и при ветеринарном институте и межвом техникуме. Принимая же во внимание местные условия и, главным образом, недостаток средств, осуществить такой план было невозможно. Была созвана особая комиссия из представителей омских ВУЗ'ов и заинтересованных организаций, на которой решено было

оставить единый омский рабфак с тем, чтобы специальные отделения его имели уклон в сторону омских ВУЗ'ов.

На 1-е января 1921 года рабфак состоял уже из 15 групп по 25-40 чел. каждая, и всего числилось студентов 512 человек (в том числе в загородной части 172 чел.).

Установленная на рабфаке триместровая система создала в будущем целый ряд затруднений и была оставлена в 1922-23 учебном году.

II. Рабфак укрепляется.

Учебная жизнь рабфака в 1921-22 учебном году, в сравнении с предыдущим, проходит под знаком некоторой налаженности. Пролетарская школа, силуэт коей еще недавно так смутно вырисовывался вдали, теперь вылилась в более или менее конкретные формы. Тем не менее и эта налаженность все же была относительной.

Занятия на осеннем семестре начались 17 октября. Такое сравнительно позднее начало занятий объясняется резким ухудшением продовольственного положения студентов в конце предыдущего учебного года. Студенты собирались вяло, некоторые, стесненные материальными условиями, совсем оставили рабфак; так, в городской части до летнего перерыва было 430 студентов, а начали занятия только 300 студентов.

В виду продовольственных затруднений и прием на рабфак новых студентов также затянулся, так как поступающих было очень мало, и прием закончился к 20 октября; принято было человек 80, и всего на I курсе оказалось 230 студентов, а на II курсе—152, при чем уже 16 января 1922 года последовало распоряжение сибпрофобра закрыть загородную часть рабфака, оставив там только выпускников до окончания курса.

В это время в общем составе студенчества было до 90 проц. уроженцев Европейской России.

Крупным событием в жизни рабфака нужно было посчитать приобретение в этом году своей библиотеки. Вначале рабфак пользовался библиотекой сибинститута, которая находилась в здании факультета. С ее увозом в здание сибкадемии рабфак остался без библиотеки. Никакие ходатайства перед губнаробразом о предоставлении библиотеки не помогали. Правда, как-то рабфак получил одну библиотеку от губнаробраза, но здесь были книги по закону божию, жития святых, евангелия и проч. макулатура. После полуторых лет ходатайств, весной 1922 г., наконец, губнаробраз разрешил взять библиотеку, принадлежавшую кооперативной организации „Центросибирь“ (губсоюз). Эта библиотека и в наше время составляет фундамент всей рабфаковской библиотеки.

III. Условия жизни и учебы.

Жизнь омского рабфака того времени была весьма трудна. Он при своей организации не имел ни плана, ни программы, ни своей библиотеки, ни своего здания, ни средств на учебные пособия и даже на канцелярские принадлежности.

Хозяйственная разруха, царившая во всей стране, накладывала свою тяжелую лапу и на омский рабфак. В зимние месяцы 19 0-21 учебного года здание совершенно не отапливалось. Занятия шли в холодных аудиториях. Преподаватели и студенты закутывались в свои

шубы и шинели; руки коченели и едва держали мел; пар от дыхания клубами плавал по аудитории. Но занятия шли своим чередом.

В отчете, представленном в отдел рабфаков, мы читаем следующие красноречивые строки: „Благодаря недостатку дров в зиму 1920-21 года, отопление часто перерывалось, и поэтому приходилось несколько раз ремонтировать отопительную сеть и водопровод. В конце концов один из котлов был совершенно выведен из строя и вся сеть была приведена в негодное состояние. Вся тяжесть по ремонту отпления и водопровода при сильных зимних морозах ложилась на рабфаковцев, которым удалось все-таки, благодаря самоотверженной работе, справиться с этой трудной задачей. Остальные „жильцы“ этого помещения—ластеровская станция и худпроминститут никакого участия в этих работах не принимали, хотя отоплением пользовались наравне с рабфаком. Летом 1921 г. рабфак снова производит капитальный ремонт всей отопительной сети и водопровода, и к началу зимнего периода отопление действовало вполне исправно. Благодаря, опять-таки, труду студентов и даже преподавателей (разгружали баржи с дровами) удалось запастись дровами. Поэтому отопление зимой 1921-22 г. производилось нормально“.

Силами же студентов было отремонтировано и все здание рабфака. Студенты не только учились, но и должны были держать в своих руках и топор и винтовку, смотря по обстоятельствам. Весной 1921 г. начались казако-крестьянские волнения в окрестностях Омской губернии. Все рабфаковцы были вооружены. В помещениях рабфака стояли день и ночь часовые рабфаковцы. Часть рабфаковцев была отправлена на фронт, на усмирение восстания, и один рабфаковец, Дорский, был зверски замучен восставшими белогвардейцами в Петропавловске.

Поистине, это было героическое время!

Студенты должны были сами мыть полы, подметать, работать в столовой, убирать двор, одним словом, самообслуживаться.

При рабфаке были оборудованы свои мастерские для обслуживания рабфаковских хозяйственных нужд: столярная, слесарная и сапожная, в которых работали те же студенты.

Чем же питались студенты?

Студенты были обеспечены пайком.

В декабре месяце 1920 г. пайков было получено всего 210, а студентов было 363 человека. Пришлось часть студентов с пайка снять, и в первую очередь студентов вечерних групп, которые, якобы, могли подзаработать. Размер пайка по месяцам был неодинаков: с января по май 1921 г. паек почти обеспечивал питание студентов, тем более, что студенты организовали свою столовую. Обеды давались из 5 блюд. Но, начиная с июня, паек был так уменьшен, что студенты принуждены были владеть полуголодное существование, а столовая, вместо мясных щей и каши, давала похлебку с мучкой и картошку. Хлебный паек также был уменьшен—сначала до 30 фунтов, а потом до 20 фунтов муки в месяц...

Голод несколько ослабляла студенческая столовая, но и ее пришлось закрыть осенью 1921 г. по недостатку продуктов.

Столовая возобновила свою деятельность 15 ноября 1921 года при поддержке и помощи губпрофсовета, который передал в распоряжение рабфака 5.000 аршин мануфактуры.

Преподаватели также получали академический паек в размере 45 фунтов муки, 15 фунтов мяса, 8 фунтов крупы, 3 фунтов масла, полфунта чаю, 1 ф. сахара, трех четвертей фунта табаку, 750 гильз,

5 коробок спичек, 3 фунтов соли и 1 фунта мыла. Но полностью получить паек удавалось очень редко; так, например, муки выдавалось то 35 фун., то 25 ф., а то и 20 фун.: только 4 месяца в 1921 г. было выдано по 45 фун. и 1 месяц даже 50 фунтов.

Хуже были обставлены остальные служащие рабфака: они сначала никакого пайка не получали и должны были получать продукты в общем порядке, т.е. по продкарточкам. Только с июля 1921 г. им стали выдавать следующий паек: 20 фун. муки, 1 ф. с четвертью мяса, 23 золотника жиров, 1 ф. с четвертью кофе, полтора фун. соли, 1 кор. спичек и четверть дрожжей.

Конечно, служащие, получая такой паек, влачили полуголодное существование.

Президиум рабфака ничего не мог сделать для улучшения продовольственного положения служащих. Было разрешено служащим пользоваться обедами из студенческой столовой,—и только.

Со снабжением предметами широкого потребления дело обстояло очень неважно. Если для студентов удавалось получить кое-что, то для преподавателей и служащих за весь 1921 г. ничего не было получено. Все, что получалось из одежды, выдавалось исключительно студентам, ибо они были и босы, и наги.

Любопытны сведения о кредитах рабфака в первые годы его существования. Кредиты на содержание рабфака в 1921 г. отпускались Главпрофобротом по сметам, составленным самим факультетом. Смета была составлена и своевременно отправлена в сумме 80.000 000 рублей в Главпрофобр. В конце только 1921 г. эта смета была утверждена. В счет сметы омский губфинотдел в течение года выдал всего 39.621.000 руб., но, так как с падением ценности рубля, в связи с НЭП'ом и с переходом к оплате служащих по новым тарифным ставкам, потребность в деньгах у рабфака с каждым месяцем возрастала, кредитов, отпускаемых губфинотделом, не хватало на самые неотложные расходы, а смета Москвой не утверждалась. Президиум командировал в разное время нескольких лиц (студентов) в Москву для ускорения утверждения сметы и для получения кредитов.

В результате таких командировок были открыты кредиты омским губфинотделом в сумме 80.000.000 руб., не считая прежде полученных денег. Таким образом, всего в 1921 году было получено 119,6 1,955 руб. Тем не менее, благодаря падению ценности рубля, рабфак к концу года имел долги, например, одним служащим административно-хозяйственной части Р. Ф. задолжал свыше 40.000.000 р.

Преподавательское жалование сводилось только к 30 бутылкам молока в месяц. Выручал только паек.

Главными статьями расхода по рабфаку являлись: зарплата преподавателям и служащим—66.000.000 руб., социальное обеспечение студентов 21.000.000 руб. и хозяйственные надобности 20.000.000 руб.

Особенное сочувствие и помощь оказывал губпрофсовет; кое-что удавалось получить от кооперативных учреждений; губисполком дал здание, но с этим зданием пришлось первое время мучиться, ибо там было несколько хозяев, мешавших устроить здание так, как нужно.

Во всем и везде рабфак должен был рассчитывать исключительно на силы студенчества и своих преподавателей.

IV. Студенческие организации.

С самого основания рабфак имел свою коммунистическую ячейку, студком, культпросветком, кооператив и кассу взаимопомощи; последние две организации возникают в 1921/22 уч. году.

Комячейка явилась главной помощницей президиума рабфака. Комячейка выдвигала ряд ответственных работников из студенчества в члены президиума и во все органы студентов.

Нужно ли было воздействовать на губпродком и другие советские учреждения, — всегда за это дело бралась ячейка; нужно ли было ввести те или иные новшества в жизнь рабфака, — их пропагандировала и вводила комячейка. И так на каждом шагу. В общем и целом можно сказать, что работа президиума и комячейки в деле организации рабфака отличалась редким единодушием и сработанностью (президиум, в большинстве своем, был беспартийный)

Что касается студкома, его работа являлась крайне необходимой: разбор студенческих заявлений, выдача пособий, студенческие наряды на работу, командировки своих представителей в различные советские учреждения с различного рода ходатайствами и пр. и пр. Студком и президиум тоже работали в полном согласии, без конфликтов.

Культпросветком проявил свою деятельность постановкой целого ряда субботников, на которых выступали с докладами по различным вопросам преподаватели, студенты и докладчики, приглашенные со стороны.

К работе политпросветкома следует отнести и устройство ряда вечеринок, лотерей, выпускного вечера с поездкой в сибкадамею и проч.

Были, кроме того, свой кооператив и касса взаимопомощи.

Тяжелые годы кончаются.

Дальше намечается подъем и, прежде всего, в следующем же учебном году рабфак перешел в новое здание, которым пользуется и теперь.

Ф. Г. Виноградов.

ЗАГОРОДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАБФАКА.

В июне месяце институт получил, наконец, возможность занять здание бывшего среднего сельско-хозяйственного училища, в трех верстах от черты города. Одновременно вышел декрет о привлечении студентов и преподавателей к исполнению своих обязанностей в порядке учебно-трудовой повинности, с переводом тех и других на положение *мобилизованных* и на довольствие тыловым *красноармейским* пайком. По распоряжению *Сибревкома*, все факультеты института, вместе с Р. Ф., переводились за город для проведения летнего учебного триместра. Началась бурная кампания по снятию желавших учиться студентов с производства и из Красной армии. Хозяйственное и военное положение не позволило освободить для учения всех уже состоявших слушателями, но все же за город перешло 150 студентов-рабфаковцев, в том числе—5 студенток.

В новом помещении развернуты были и общежитие, и столовая, и аудитории, и учебные кабинеты. Конечно, здание среднего учебного заведения даже и на первых порах не могло удовлетворить полностью нужд высшей школы. Все же в этом отношении особой остроты не создалось. Р. Ф. получил один большой зал для интернирования 100 человек, часть была размещена в интернатах вместе со студентами основных факультетов, часть же, преимущественно семейные, осталась на квартирах в городе, откуда и ходила ежедневно на занятия за 4, 6 и даже 10 верст.

Уладилось дело и с аудиториями для Р. Ф., получившего возможность в часы своего расписания занимать 4, а позже 6 аудиторий. Паек первое время был почти достаточен, так что все бодро принялись за учение. Труднее было наладить учебную работу.

В программе мл-дших и средних семестров Р. Ф. преобладали общеобразовательные предметы, к преподаванию которых с трудом удавалось привлечь кого-либо из профессоров и преподавателей института. Приходилось приглашать преподавателей городских школ. Но это было сопряжено с трудностями сообщения с городом. Транспортные средства института были крайне слабы, так как хозяйство бывшего училища и фермы при нем было в крайнем упадке. К тому же рабочие фермы повели политику полного выделения фермы б. училища в независимый от института совхоз-коммуна, так что фактически институт был сначала хозяином лишь небольшого островка, где стояло главное здание института. Несколько замороженных кляч не могли обслужить всех нужд. Исхлопотали помощь со стороны губтрамонта, взявшегося подвозить преподавателей. Легко предугадать, что в нормальном выполнении учебного дня появились перебои в виде опозданий преподавателей на уроки иногда из-за неаккуратной подачи лошадей, иногда из-за занятости на другой службе в городе. Стара́ния получить преподавателей всецело в распоряжение Р. Ф., с предоставлением им комнат в зданиях института, осуществились в небольшой мере — отчасти и потому, что губнаробрз не соглашался отпускать своих преподавателей и даже грозил карами одному преподавателю, который, поселившись при институте, стал оттуда ходить на занятия в свою городскую школу.

Губтрамот недолго помогал Р. Ф. Пришлось рассчитывать лишь на институтских лошадей из-за чего выходило немало трений с хозяйственной частью. На переезды и переходы уходило много лишнего времени, особенно в осеннюю и весеннюю распутицу. Вытекавшие отсюда неудобства, часто и мучения для преподавателей, да и другие обстоятельства вели к довольно частой смене учителей. За время существования загородного отделения в нем работало в разное время 20 профессоров и преподавателей института и свыше 25 преподавателей школ II ступени; в числе последних были жены профессоров, обладавшие необходимой для школьных работников квалификацией.

В общем занятия все же шли. Студенты были разбиты на два триместра: II в три группы и III в одну группу. Учебный день занимал время от 9 до 12 час. утра, потом был обед, а с 4 до 5 — снова занятия. В это время укладывалось 8 академических часов. Вечером студенты занимались у себя в интернатах; готовили уроки, читали. Тут же начинались хлопоты по изготовлению похлебки на ужин. Вокруг кухонной плиты, в густых сумерках, выростала живая стена студентов и перед каждым на плите булькала солдатская манерка, обращенная в кастрюлю. А еще позже можно было видеть такие же силуэты в подвальных помещениях парового отопления, готовившие ужин в топках котлов.

Учебники были получены в небольшом количестве из бывшей ученической библиотеки с/х училища. Кабинеты института позволили обставить демонстрациями и пособиями лекции химии, физики, ботаники и физиологии. Удалось позже поставить небольшой практикум по ботанике. В достаточной мере учащиеся были снабжены готовальнями для чертежных работ. Практикумов по физике и химии тогда еще не существовало и для студентов-основников. Преподавание носило характер частью уроков-бесед, но употреблялся и лекционный

метод с последующими зачетами. Лекции по физике, химии, зоологии и многим другим предметам приходилось читать сразу всем группам за недостатком лекторов.

Только занятия по родному языку и математике шли всегда раздельно. Когда в августе м. це в самом уже городе открылись занятия в новых группах студенчества, не добившихся полного снятия с производства, там возник самостоятельный административный и хозяйственный центр рабфзковской жизни, загородный же Р. Ф. стал числиться отделением, управляемым тремя членами из полного состава президиума, имевшего базу в городе, где и происходили еженедельные заседания президиума. Совет же Р. Ф. созывался раздельно: в городе и за городом. По мере того, как росла и крепла хозяйственная часть городского Р. Ф., приходила помощь и загородному отделению в виде отдельных получений учебной литературы, вещевого довольствия и др.

К сожалению, продовольственный вопрос стал скоро обостряться. Пайек все сокращался и сводился временами только к хлебу и супу из овощей.

Временами был перебой и в получении хлеба.

В сохранившихся дневниках можно найти записи: „Уроков не было, студенты разошлись по домам из-за отсутствия пайков“. В марте 1921 г. целую неделю не было занятий по той же причине. Особенно тяжело было материальное положение семейных студентов, и такие студенты непрерывно выбывали из рабфака после отчаянных попыток как-нибудь продолжать учебу. Этими же причинами объясняется и пропуск уроков, достигавший иными неделями 25 проц.

Тут надо учесть, впрочем, еще и наряды на дежурство по кухне, интернату и на разные работы. Как сказано было, заупомянутость хозяйства требовала героических мер по обеспечению института топливом, по ремонт у здания, отопления, водопровода к наступавшей зиме: студенты вы ружают баржи, рубят лес, пилят; студенты же рабфака, имевшие в своих рядах много квалифицированной силы (одних слесарей было 27 чел.), производили преимущественно технический ремонт. Руками же студентов были сложены печи в комнатах преподавателей.

Когда рабфаку удалось завести своего коня, студенты же ходили за ним и ездили за кучера в город за преподавателями. Чтобы подпитать коня хотя на столько, чтобы он не всгавал среди пути, нужен был овес. Пришлось покривить душой—фиктивно расписать ведро спирта на учебные кабинеты и, продав спирт, купить на вырученные деньги овса и теплую одежду для кучерящего студента. Приходилось на свою ответственность членам президиума и еще не раз искать выхода из положения. Так, профессуру привлечь к работе рабфака было трудно еще и потому, что закон не позволял получать пайка по двум службам. Один же пайек преподаватели института получали по самому институту. Согласившиеся взять лекции на Р. Ф. были включены в список студентов на довольствие, и, таким образом, рабфак в то тяжелое время заинтересовал лишним фунтом хлеба в день нескольких лиц. И все-же некоторые кафедры пустовали подолгу. Оканчивающий в 1921 году старший триместр не слушал еще курс физики. И лишь летом, накануне выпуска, удалось найти преподавателя—провести хотя бы краткий курс. Тут надо еще отметить и внутреннее несогласие между президиумом рабфака и частью профессуры, вытекавшее из не вполне еще оформившихся задач рабфака.

Некоторые считали ненужным проводить заметную грань между рабфак.м и основными факультетами, отстаивая скорейшее допуще-

ние студентов рабфака к слушанию курсов на основном факультете. Так, профессор физики института стоял за ненадобность особого курса физики на рабфаке при наличии курса на основном факультете. И названный выше выпускной триместр, после краткого легкого курса физики, с осени стал слушать основной курс. Но результаты были против такой непоследовательности.

Надо сказать, что и сами студенты рабфака горячо отстаивали необходимость получить более широкую общеобразовательную подготовку. Отсюда такое положение с первым выпуском: перейдя уже к слушанию физики и др. специальных предметов на основном факультете с осени 1921 г., он продолжал еще один триместр слушать курс литературы на Р. Ф.

Затруднения с подысканьем преподавателей вызывали иногда непоследовательность в предметах курса, иногда наполнение курса предметами, без которых можно было обойтись: читались одно время логика, психология, серьезный курс физической географии.

Так или иначе, но учебный план выполнялся, и оба семестра были доведены до выпуска; один кончал курс к 1-му января 1921 года, другой — к 5 июня 1922 года. Сейчас оканчивает ВУЗ несколько человек из этих выпускников. Последний выпуск был уже проведен через официальные выпускные испытания.

В силу того, что первые приемы на рабфак производились без оформления испытаний, процент отстающих студентов был довольно значительный, так как выявление мало подготовленных происходило уже в процессе прохождения курса. Увольнения за неуспешность не практиковались, но многие студенты сами своевременно убеждались в невозможности справиться с программой и покидали рабфак. Даже из окончивших многие не стали продолжать образование в ВУЗ, а вернулись на службу, довольствуясь повышением своего развития. Так, одна служит секретарем в суде, другой — в Р. И., третий — был даже помощником директора завода.

Неуспевающие по основным предметам выделялись в особые группы для занятий этими предметами; приглашались репетиторы из студентов-основников для пополнения пробелов в элементах программ; не справлявшиеся при таких условиях остались на повторительный курс. И в общем — вовсе неподготовленных выпущено в ВУЗ'ы не было и тогда.

Отзывалось на успешности выдвижение студентов на общественную работу и административные должности. Такие большей частью находили в конце концов один выход — перевестись в другой рабфак.

Переводились многие в Россию и потому, что они случайно были занесены в Сибирь гражданской войной; некоторые были гражданами вновь образовавшихся заграничных государств — и выбыли на родину.

В 1922-м году отдел рабфаков произвел закрытие отделений при многих рабфаках, в том числе и при Омском. Тогда и закончилось существование загородного отделения. Студенты последней выпускной группы были оставлены на месте до окончания курса, но младший семестр был переведен в город.

В отношениях со студенчеством основных факультетов заметна была отчужденность, так как обе стороны были в то время представителями еще разных классов, разной идеологии. Любопытно отметить, что в частых столкновениях со студентами-основниками рабфаковцы смущались недостатками своего образования и своей устной речи. Все же общественно-воспитательная работа велась совместно в объединенном клубе, и здесь влияние рабфаковцев по политическому перевос-

питанию старого студенчества не могла не сказаться. Систематические курсы общественно-политических наук рабфаковцы изучали по своему учебному плану под руководством преподавателей партийцев.

В рядах самого студенчества загородного отделения рабфака партийцев было 60, и они составляли главное ядро ячейки, объединявшей и партийцев из рядов основного студенчества и из рабочих хозяйства института и совхоза при нем. Рабочих среди рабфаковцев было 106 чел., землеробов 27 чел. и служащих 39 чел. Среди преподавателей партийных было 5, из них 2 профессора.

Н. А. Нейм.

УЧЕБНАЯ РАБОТА НА ОМСКОМ РАБФАКЕ.

Ко дню начала занятий на Омском рабфаке (21 марта 1920 года) слушателей было 300 человек, в большинстве своем рабочих и крестьян, немного красноармейцев и лиц конторского труда. Все они были для занятий разделены по подготовке на две группы: старшую и младшую, при чем лекции по общественным дисциплинам они слушали совместно, а для занятий по остальным предметам разбивались на группы по 50—80 чел. в каждой.

Занятия велись в вечернее время, так как студенты факультета не были сняты с работ. Это последнее обстоятельство заставило занятия ставить таким образом, чтобы весь материал прорабатывался в аудитории и слушатель получал знания, не выходя из стен рабфака.

Рабочий факультет с первых же дней сделался центром внимания рабоче-крестьянской молодежи. Число слушателей сильно увеличилось и к первому января 1921 года достигло уже 513 человек.

Так как занятия шли быстрым темпом, без пособий, в холодных и тесных помещениях, при чем многие студенты не имели достаточной подготовки, то естественно, что состав слушателей был крайне текуч. Только с осени 1921 года установился постоянный состав студентов в числе 382 чел. К этому времени работа приняла уже определенные организационные формы и быстро развивалась при дружном сотрудничестве преподавателей и студенчества.

Двухгодичный опыт в центральной России к тому времени не дал еще твердо установленных учебного плана, программ и методов работы. Из Москвы были получены примерные программы лишь по отдельным предметам, но они не удовлетворяли ни студентов, ни преподавателей. Таким образом, в распоряжении учебного персонала не было ничего для работы в новой пролетарской школе, кроме знаний, опыта работы в старой школе и стремления передать свои знания рабочей аудитории. Это искреннее стремление и страстный порыв к знанию новой аудитории были залогом успеха в работе, и большинство работников рабфака вместе с президиумом видели, что рабочим факультетам суждено сыграть огромную роль в строительстве новой жизни.

С первых же дней занятий началась интенсивная программно-методическая работа, которая была сосредоточена в следующих шести предметных комиссиях: 1) по русскому языку и литературе, 2) по истории, 3) по математике, 4) по естествознанию и географии, 5) по экономическим наукам и 6) по специальным предметам инженерного отделения.

В 1923—24 учебном году комиссии эти были реорганизованы в четыре комиссии: лингвистическую, обществоведения, физико-математическую и биологическую.

Кроме того, для концентрации и корректирования всей программно-методической работы было организовано при учебной части учебное бюро. Эти учебные организации работали над программами и исканием методов преподавания с взрослой рабочей аудиторией. Надо сказать, что такая работа велась всеми рабфаками самостоятельно и сосредоточивалась в отделе рабфаков Главпрофобра, и в результате ее впервые в 1923—24 учебном году Главпрофобром был предложен всем рабфакам для проведения единый учебный план и программы. В 1925—26 учебном году эти программы были переработаны и приняли более совершенную форму в смысле систематизации, детализации и методической разработки.

Учебный план устанавливал на нашем Р. Ф. с II-го к. два уклона: технический и естественно-научный;—задачи первого дать подготовку студентам в технические ВУЗ'ы, и задача второго—в биологические ВУЗ'ы. С настоящего 1927—28 учебного года во всех рабфаках введены два уклона: технический и общественно-экономический.

Программная работа, конечно, этим не завершается: она ведется и будет вестись в дальнейшем.

В первые же дни жизни Омского рабфака было признано необходимым введение активных методов преподавания с максимальной постановкой практических занятий, но целый ряд объективных условий не позволял их осуществить (отсутствие пособий, подходящей мебели, теснота помещений, перегруженность групп). Занятия велись лекционно - беседным методом с последующими зачетами. Хотя в распоряжении рабфака и имелись учебные кабинеты и библиотека, организованные в первый же год его существования, но бедность их как в количественном, так и в качественном отношении не давала возможности не только организовать практические занятия, но и проводить необходимые демонстрации. Так, например, в физическом кабинете имелось несколько случайных приборов и целый ряд отдельных частей от приборов, в химическом кабинете был шкаф, в котором находилось несколько банок с реактивами, в биологическом кабинете имелись лишь картины по анатомии, зоологии и ботанике. В первые годы рабфак обслуживался библиотекой сельско-хоз. института, но с переводом ее за город на рабфаке осталась лишь собственная библиотека, состоящая из старых учебников и других книг, в большинстве совершенно непригодных. Совместными усилиями президиума, преподавателей и студентов кабинеты и библиотека непрерывно пополнялись пособиями, но это пополнение шло первые годы медленно, так как кредиты на это отпускались настолько незначительные, что их едва хватало на текущие учебные нужды. К 1921 — 22 учебному году рабфаку была передана губсоюзом большая библиотека, бывшей кооперативной организации „Центросибири“, физический кабинет бывшего землемерного училища, принадлежащий сельско-хозяйственному институту и переданный рабфаку во временное пользование.

Кроме того, с 1925 года рабфак широко пользуется основным физическим кабинетом С. Х. И., который помещается в учебном корпусе рабфака.

В результате большой методической работы с 1925—26 учебного года на рабфаке был установлен исследовательский метод преподавания с введением измененного „Дальтон плана“ применительно к нашим условиям. В связи с этим во всем объеме перед нами встал вопрос о замене классов лабораториями, их оборудовании, пополнении кабинетов пособиями, учебниками и проч.

БИБЛИОТЕКА

г. Омск.

С того же года кредиты на учебные нужды значительно возросли, и это дало возможность выполнять намеченный план по оборудованию лабораторий. С 1925 года мы лишь частично начали применять исследовательский метод работы по „заданиям“, подходя к этому вопросу крайне осторожно, так как преподаватели и учебная администрация не имели в этом деле никакого опыта, да, кроме того, и состояние лабораторий, отсутствие подходящих для этого рабочих книг не позволяли широко развернуть этот метод.

С того же 1925 года во всю учебную работу была введена строгая плановость. Все учебные единицы, начиная с учебной части и кончая преподавателями, ведут работу по определенному плану, составляемому на данный учебный год. Со второй половины 1926—27 учебного года организован педагогический кружок с целью поднятия методической квалификации преподавателей.

Одним из самых слабых мест нашей работы до настоящего учебного года было отсутствие планового участия учебных органов во внешкольной работе студентов и влияния на нее. Отдельные преподаватели принимали большое участие в ней, вынося ее и за стены рабфака, но все это делалось часто случайно, „от случая к случаю“ и без связи с общественной работой.

Было проведено много бесед с демонстрациями по разного рода научным вопросам с рабочими, крестьянами и красноармейцами, и преподаватели охотно шли на эту работу, проявляя в ней большую инициативу. Принимали участие преподаватели и в кружковой работе студентов. Но не было главного—не было плановости в этой работе, не было увязки ее с общей учебной работой, не было участия в этой работе учебных органов.

Не уделялось также внимания учебными органами вопросу воспитания студенчества и помощи ему в самообразовательной работе.

Все эти вопросы поставлены в план настоящего 1927—28 учебного года.

Как видно из этого короткого очерка, за семь лет существования рабфака проделана немалая работа, в результате которой мы имеем в различных ВУЗ'ах Союза уже около 403 студентов, окончивших Омский рабфак, из которых около 200 чел. рабочих и 43 женщины; все они, по нашим сведениям, достаточно успешно продолжают свою учебную работу.

1924 год	82.
1925 год	73.
1926 год	81.
1927 год	74.

Нужно отметить большую тягу в прежние годы окончивших Омский рабфак в Центральные ВУЗ'ы, в свои же сибирские ВУЗ'ы студенты шли крайне неохотно, особенно избегая Омских ВУЗ'ов.

Так, за три года 1924, 1925 и 1926 выпущено всего 236 студентов, из которых лишь 15 проц. поступило в Омские ВУЗ'ы и 11 проц. в свой ВУЗ, т.-е. сельско-хозяйственный институт. Такое положение нельзя было считать нормальным, и президиум рабфака ставил этот вопрос во всех заинтересованных организациях, и в свою очередь проводил разъяснительную кампанию среди студентов. В результате этого, из выпуска 1927 года в сибирские ВУЗ'ы поступило 70 проц. окончивших, в Омские ВУЗ'ы 36 проц., в частности в С. Х. И. 30 проц. всех окончивших.

Положение рабфака в 10-ую годовщину Октября уже таково, что мы без особых затруднений проводим исследовательский метод

преподавания по всем предметам, имея при каждом кабинете лаборатории, оборудованные настолько, что работа в них ведется без особых перебоев. Программы и учебные планы в целом уже твердо установлены. Выработан кадр преподавателей рабфака.

Библиотека пополнена в достаточном количестве новейшей литературой и учебниками, стоимость ее выражается в сумме 18720 руб.

Стоимость кабинетов следующая: 1) биологический — 2580 руб., 2) химический — 411 руб., 3) физический — 3760 руб. (стоимость, главным образом, лабораторного оборудования, демонстративными приборами пользуется кабинетом СХИ), 4) географии — 786 руб., 5) обществоведения — 380 руб., 6) лингвистический — 300 руб., 7) черчения и рисования — 1450 руб., 8) математический — 1006 руб. В эту стоимость кабинетов не вошли книжные пособия и материалы, которых, например, в хим. кабинете имеется на 670 руб.

Перед рабфаком стоит еще огромная работа как в области методической, так и организационной. Необходимо расширять и совершенствовать проведение исследовательского метода, необходимо организовать работу по воспитанию студенчества, увязать внешкольную работу с учебной, наладить дело самообразования студентов и пр.

Быстрое движение рабфаков вперед и громадные достижения как в области программно-методической, так и организационной, говорят за то, что рабфаки вскоре будут признаны образцовыми школами не только в нашем обширном Союзе.

Н. Ивановский.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАБФАКА.

Помещения рабфака. Помещения учебного корпуса вполне приспособлены к учебным нуждам рабфака и если в настоящее время чувствуется недостаток площади, то исключительно потому, что 560 кв. метров занято Сибирским институтом сельского хозяйства под физический и минералогический кабинеты, а с другой стороны чувствуется значительное стеснение и в связи с тем, что четыре дня в неделю в помещениях рабфака ведутся занятия по вечерам рабочим университетом (с прошлого года).

Помещения для общежития дают возможность разместить максимум 330 человек, т. е. 64,7 проц. общего состав студентов, что, при задаче воспитания в определенном направлении имеющих в рабфаке 50 проц. крестьян (из них в значительном проценте — отсталые нацмены), является крайне ненормальным.

В связи с этим вот уже 2-й год, несмотря на то, что имеем дополнительных 50 мест в общежитии мединститута, остро стоит вопрос о дополнительном помещении для общежития.

Оборудование и содержание общежития. На средства по госбюджету, за счет полученной в истекающем бюджетном году дотации сибкрайсполкома, а также за счет чисто студенческих средств ежегодно расходуются значительные средства на дооборудование общежития инвентарем и постельными принадлежностями. Так, в течение 26-27 учебного года израсходовано 4735 рублей.

Однако и в настоящее время в том и другом ощущается огромная нужда, тем более, что состав рабфака из года в год увеличивается, и приходится снабжать инвентарем и постельными принадлежностями не только живущих в общежитии, но и живущих по частным квартирам.

Общежитие содержится лишь отчасти на средства госбюджета и других ассигнований, а в остальном—за счет удержаний со студентов (62,1 проц.). Размер удержаний со стипендий в виде платы за пользование общежитием колебался от 2 р. до 2 р. 60 к. с каждого студента.

Административное обслуживание лежит не на студентах, а на штате рабфака.

Обслуживание студенческих масс. В прошлом учебном году в большей части студенчество столовалось в столовой ЦРК, при чем там же снабжались и хлебом на дом (разовый обед—35 коп.). В настоящем году столование студентов приняло на себя правление нарпита.

Что касается прочих нужд, как мойка белья, починка обуви, то обычно президиум рабфака договаривается с теми или другими кустарями, которые и обслуживают студентов на условиях, согласованных и самим студенчеством.

На обмундирование студенчества средства не отпускаются.

Учебные пособия приобретаются рабфаком и предоставляются студентам во временное пользование.

Бюджет рабфаковца. Рабфаковец живет исключительно за счет государственной стипендии, которая с 6 руб. в прошлом—в минувшем учебном году достигла 20 рублей, при чем и здесь наблюдается известное общее явление, что рост потребностей обгоняет рост ассигнований и потому размер стипендии данного времени все же является недостаточным, а число, так называемых, частных стипендий из года в год уменьшается и с прошлого года почти сошло на нет.

Примерный расчет бюджета: обед—10 р. 50 к., хлеб—3 р. 60 к., общежитие—2 р., починка обуви, стирка белья и проч. 2 р. 50 к., членские взносы и др. удержания—50 к., учебные пособия, книги, газеты—90 к., итого—20 руб.

Финансовое положение рабфака. Рабфак располагал средствами: в 1922-23 году—64530 р., 23-24—94743 р., 24-25—125407 р., 25-26—152304 р. и в 26-27—192981 р.

Примечание. Содержание 1 студента в год по отношению к 1923 г. возросло на 203 проц. и в минувшем году выражалось около 428 р.

Бюджет рабфака прошлого учебного года складывался из следующих сумм: государственные ассигнования—181242 р., дотация Сибкрайисполкома—6500 р., дотация омокрисполкома—1000 р. и специальные средства—4239 р., итого—192981 р.

Средства по госбюджету по отдельным видам расходов распределяются следующим образом: зарплата, содержание месткома и соцстрах.—53160 р., канцелярские, хозяйственные, почтово-телеграф. и телеф. расход.—3000 р., топливо—4370 р., путевое довольствие—468 р., расходы по учебной части (текущее оборудование)—9994 р., стипендии—108000 р. и субсидия общежитию—2250 р., итого—18142 р.

Состав преподавателей. Преподавательским составом рабфак обеспечен по всем предметам. Преподаватели в своей большей части—старые, именно, рабфаковские преподаватели, при чем имеется значительная группа активная и передовая в методическом отношении.

В составе преподавателей общественных дисциплин—партийцев—3, при чем проц. этих преподавателей крайне незначительный (17 проц.).

Всего преподавателей—26 (из них основных—19 и частных—7), в том числе с высшим образованием—15, средним—9, специальным—1, и низшим—1.

Средний и низший технический персонал. Среднего и низшего технического персонала (по педагогической и технической группе) на рабфаке—32 человека, из них на госбюжете—17 чел., за счет специальных средств—7 чел. и за счет содержания общежития—8 чел.

Для части среднего и всего низшего технического персонала ставки нормированы: библиотекарь—50 р., пом. библиотекаря—45 р., делопроизводитель—38 р., машинистка—32 р., истопник—23 р., швейцар, сторож, дворник, уборщица—21 р.

Для остального среднего технического персонала ставка на 1-й разряд—9 р.

Состояние здоровья студентов. Все принимаемые на рабфак подвергаются предварительному медицинскому освидетельствованию, но независимо от этого в минувшем году, в начале и в конце учебного года, все студенчество было подвергнуто поголовному медицинскому осмотру, при чем результаты к концу года следующие:—30 проц. здоровых, 10,8 проц.—туберкулез, малокровие—20 проц., болезни органов дыхания—2,7 проц., болезни сердца и сосудистой системы—3,2 проц., мочеполовые—3,2 проц., заболевания двигательных органов—4,6 проц., зрение—3,7 проц., нервной системы—13,6 проц., женские болезни—1,8 проц., венерические—1,4 проц., трахома—0,9 проц., уродство—0,9 проц., прочие—3,2 проц., т. е. всего 70 проц. больных.

Обычно плохие материальные условия рабфаковца до поступления на рабфак, резкий переход от физического к умственному труду, напряженная работа на рабфаке при ограниченности стипендии, часто семейная нужда,—все это, несомненно, должно сказываться на общем состоянии здоровья студенчества и в порядке противодействия единственными мерами могут быть: правильная организация учебы, своевременная и удобная для студентов медицинская помощь и нормализация быта, и в этом отношении получает чрезвычайное значение физкультура.

Подготовка к приему на рабфак и итоги приема. Опыт приема прошлого года и ряда предыдущих лет указывал на недостаток внимания мест к отбору командируемых на рабфак как в отношении классовости, так и учебной подготовки, здоровья, политического уровня, способности и т. п.

Недостаточное было внимание и к вопросу о посылке на рабфак в большом количестве женщин, нацмен.

Слабое было внимание по документальному подтверждению анкетных сведений и вообще к правилам приема, которые, кстати, обычно слабо и опубликовывались.

Ряд газетных заметок и рассылка 800 отпечатанных экз. правил в этом году имели целью предупредить упомянутые недостатки, при чем особенно подчеркивалась недопустимость посылки молодых людей в большем против разверстки количестве.

Все упомянутые недостатки в настоящем году повторены полностью, а в результате, в частности, вместо полуторного количества против подлежащих прием (211 человек) через мандатную комиссию прошло около 500 чел., из которых многие приехали (Казакстан и т. п.) за тысячи верст и часто без всяких средств, тогда как в правилах указывалось, что все расходы, связанные с поездкой туда и обратно и с проживанием в период приема рабфак на себя не принимает.

Результаты приема следующие: всего принято на 1-й курс 154 человека, из них 36 на учрежденную только в этом году батрацкую группу (4-х годовичную) и 57 чел. в подготовительные группы казако-киргизского отделения.

Состав приема на 1-й курс следующий: по полу: мужчин—79,6 проц., женщин—20,4 проц., по партийности: членов ВКП(б)—33,5 проц., членов ВЛКСМ—50 проц., беспартийных—16,5 проц. по социальному положению: рабочих—51 проц., крестьян—49 проц., в числе которых имеется также 22 батрака, т. е. всего батраков на 1-м курсе принято (36·22) 58 чел. или 38 проц. к общему составу и из них мужчин—84 проц. и женщин—16 проц.

Что касается казако-киргизской группы, то здесь принято:—33 проц. татар, остальные—казаки и киргизы (в том числе только две женщины, два партийца и около 40 проц. комсомольцев). По социальному признаку этот прием распределяется: рабочих—30 проц., батраков—38 проц. и бедняков—32 проц.

Всего студентов на Р. Ф. 510 человек.

30 сентября в восьмую годовщину рабфака президиум окрисполкома заслушал доклад о состоянии омского рабфака, при чем, между прочим, постановил:

1) Признать, что состояние рабфака как в учебном отношении, так и в хозяйственном значительно улучшилось по сравнению с предыдущими годами.

2) Придавая большое значение наличию рабфака в Западной Сибири для трудящейся молодежи вообще, особо отметить достижения рабфака в организации специального отделения для батрачества.

3) Отметить, как положительную сторону рабфака, выпуск значительного числа студентов в нынешнем году в сибирские ВУЗ'ы, в том числе и омские.

4) Считать желательным увеличение выпускаемого числа студентов из рабфака в местный с.-х. институт (сибакадемия) по условиям экономической жизни Зап. округов Сибкрая с оставлением рабфака в системе с.-х. института.

5) Имея в виду наличие значительного количества национальных меньшинств преимущественно местного сибирского населения, о чем войти с соответствующим представлением через сибано.

6) Предложить горсовету при расширении общежитий студенчеству омских ВУЗ'ов иметь в виду и увеличение жилплощади студентам рабфака.

И. Сокольский.

ЯЧЕЙКА ВКП(б) РАБФАКА.

Рабочий факультет, являясь классовой школой, особенно заботится о социальном подборе своего студенчества. И это понятно. Ведь, рабфак призван в короткий срок (3 года) подготовить рабочую молодежь, взятую непосредственно от станка, крестьянскую—от плуга,— для поступления в высшую школу.

Естественно, что в среде студентов рабфака мы встречаем довольно солидное количество членов и кандидатов партии. Так, в 1924 году ячейка рабфака насчитывала 133 члена и кандидата; в 1926 году из 450 чел. всех студентов—177 членов и кандидатов и в данный момент из 550 человек студентов ячейка рабфака имеет 182 члена и 94 кандидата. Приведенные цифры говорят о сильном количественно партийном коллективе и о возможности обеспечить партийным влиянием студенческую массу полностью.

Говоря о составе ячейки, следует отметить текучесть последнего за счет ежегодных выпусков в ВУЗ'ы и пополнения за счет приема

на 1 курс. В нынешнем году из состава ячейки выбыло в ВУЗ'ы 48 членов. Принято вновь 72 члена.

Неодинаковая степень политического и общеобразовательного развития студентов и партийцев, с одной стороны, и довольно большой количественный состав ячейки, с другой, выдвинули на очередь вопрос реорганизации всей структуры ячейки, с тем, чтобы последняя отвечала всем требованиям партийной работы на рабфаке.

Коллектив состоит из трех курсовых ячеек.

Ячейка I-го курса объединяет 37 членов и 35 кандидатов; ячейка II-го курса 20 членов и 26 кандидатов; ячейка III-го курса 31 члена и 33 кандидата.

Общее направление и руководство работой партийной организации осуществляет бюро партийного коллектива, избираемое в количестве 11 человек на собрании партколлектива рабфака.

При бюро коллектива работают агитпропкомиссия и женкомиссия.

Годовой опыт работы курсовых ячеек подтвердил жизненность и целесообразность организации последних.

С созданием курсовых ячеек выдвинулся новый партийный актив, не проявляющий себя в общем партийном коллективе; относительная однородность состава курсовых ячеек по степени политической и общеобразовательной подготовки партийцев дает возможность поставить ячейковую работу на основе заинтересованности членов ячейки и, наконец, через курсовые ячейки парторганизация подошла вплотную к руководству академической работой, что является особенно ценным, в связи с большим процентом академической неуспеваемости партийцев.

Курсовая партиячейка принимает меры для выравнивания академических знаний партийцев через частичную или полную разгрузку от общественной работы неуспевающих партийцев, вовлечение их в группы академической взаимопомощи, прикрепление для совместных занятий к более сильным студентам. Помимо этого, курсовая ячейка руководит работой партийных представителей своего курса в групповых пятерках, предметных комиссиях, учебно-методическом бюро и так далее.

Переноса часть академической работы на курсовые ячейки, бюро партколлектива имеет возможность больше уделять внимания политико-воспитательной, массовой, профессиональной и, не менее важной, чем академическая работа, общественной работе.

Считаясь с тем, что рабфак должен дать студенту не только академическую подготовку, но и навыки в общественной работе, т.-е. дать высшей школе студента-общественника, партийная организация неуклонно проводит в жизнь принцип: „нет студента без общественных обязанностей“.

При загрузке принимаются во внимание индивидуальные способности каждого товарища и его академическая успеваемость, вследствие этого загрузка выше недельной нормы бывает только в исключительных случаях.

Дальнейшая работа партийной организации в предстоящем учебном году должна идти по линии углубления работы курсовых ячеек, большего внимания к руководству академической и общественной работой; улучшения качественной подготовки выпускника, в связи с повышенными требованиями академических знаний студентов.

Основная задача партийной организации — неуклонно готовить из рабфаковцев сознательных, активных пролетариев, которые совершат

весь цикл от производства через рабфак и в высшую школу и снова к производству,—будет твердо, без каких бы то ни было отклонений, проводиться в жизнь.

В. Прокопшин.

КОМСОМОЛЬСКАЯ РАБОТА НА РАБФАКЕ.

Комсомольская работа играет важную роль в деле подготовки из рабфаковца красного спеца-общественника, умеющего применять в жизни свои знания так, как этого требует пролетарское государство. Особенное внимание обращается на рабоче-крестьянскую молодежь, поступившую в рабфак (коллективизация, приобщение к общественной работе, приучение передавать свои знания рабоче-крестьянской массе).

На ряду с этим комсомольской организации вместе с партийной организацией приходилось вести борьбу со всеми болезнями, которые были в Р. Ф. (в период организационного оформления) Молодежи, организованной в комсомол, приходилось вести борьбу, прежде всего, за идеологически-выдержанный состав учащихся с той мещанской молодежью, которая проникала всякими путями в Р. Ф.

Но, кроме участия в разрешении общерабфаковских задач, комсомолу пришлось проделать большую работу в деле налаживания воспитательной работы среди членов, нахождения методов и форм ее.

Первое организационное собрание ячейки РКСМ было проведено 30 ноября 1920 г.; на нем присутствовало всего 23 чел. В то время работа комсомола была вообще по организации слаба, и члены ячейки плохо знали основные задачи КСМ. Воспитательная работа выливалась в культурничество,—в посещение кружков: литературного, художественного, музыкального, хорового, спортивного и т. д. Политобразование сводилось к изучению программы и устава КСМ и заслушанию сухих докладов из „Азбуки Коммунизма“ Бухарина. Такая постановка дела не удовлетворяла молодежь, и приходилось отыскивать новые формы и методы работы КСМ организации. Пришлось ячейке повозиться и со своим составом. Чуть ли не каждый протокол собрания пестрел исключениями за отрыв, за мещанство и т. д. Создавались комиссии по пересмотру состава, где отсеивались те лица, которые разлагали и тормозили работу организации.

Год от года изменяются формы и методы работы. В 1922 году поднимается вопрос о создании стенгазеты и вводится работа по предприятиям. Лучшие комсомольцы бросаются на производство: по ликвидации неграмотности азбучной и политической, в редколлегии, в кружки и т. д. Уже в 1923 году вводится плановость работы, и работа принимает организованный характер. Начинается работа по связи с деревней и письменная связь с морским флотом. (Характерно то, что, несмотря на материальные трудности студенчества в то время, ячейка на общем собрании 23 апреля 1923 г. постановила отчислить по 3 фун. муки для морского флота и поездки в деревню). Налаживается и политико-воспитательная работа. В 1924 году 42 комсомольца охватываются комсомольскими кружками, работающими по определенной программе регулярно в продолжение всего 24-25 учебного года. Остальная часть комсомольцев занимается в парткружках. Так постепенно строилась и укреплялась ячейка.

В 25-26 г. г. происходит окончательное закрепление комсомольской работы в рабфаке. Численность членов в ячейке увеличивается,

социальный состав улучшается, партиядро усиливается, вливается новый комсомольский актив (ячейкового и районного масштаба).

Помимо использования актива на рабфаковской работе, используется наш актив и в других ячейках: руководителями комсомольских школ (10 ч.), представителями от районов КСМ в школы соцвоста (17 чел.), прикрепленными к производству (50 чел.), которые используются на местах по ликбезу, в политкружках, по профработе, культурработе и т. д. Руководство и контроль ведутся через совещания прикрепленцев и отчетные доклады на заседании бюро. Политико-воспитательная работа двинулась также вперед, а вместе с ней и комсомолец далеко превзошел прежнего комсомольца. Комсомольцы охвачены системой политшкол. Занималось в партсети: в нормальных школах 41 чел., в сокращенных школах—128 чел. Для нацменов (подготовительного отделения татаро-кирг.) создается комсомольская школа 1-ой ступени, в ней 19 чел. Клубная работа—это работа общерабфаковская, но большую часть работы несет комсомол (участие комсомольцев).

Ведется связь с Красной армией, но она выражается во взаимном посещении собраний. Перед каникулами студенчество инструктируется о работе на местах. С начала 25-26 года ячейка берет шефство над пионеротрядом. Идейное руководство проводится через вожатого, члена бюро и нескольких комсомольцев (отряд насчитывал 80 пионеров и 20 октябрят). Работа в отряде стала быстро двигаться вперед, и вскоре стала второй по району. Участие комсомола в рабфаковской печати выражается через представителя (зав. комсомольским отделом) в редколлегии „Наука и Труд“: участие комсомольцев в корреспондентском кружке, который организован при редакции газеты „Наука и Труд“, слабое. Слабовато участие отдельных комсомольцев в газете „Наука и Труд“.

Новый период, новые формы и методы работы, втягивание всей комсомольской массы в общественную работу и руководство таковой заставляют реорганизовать старую систему комсомольской структуры на рабфаке. И в 26-27 учебном году ячейка реорганизуется в коллектив, в который входят курсовые ячейки. Эта структура—новая, поэтому комсомолу, не имея опыта в работе, приходилось в первое время наощупь проводить работу. Реорганизация не ослабила комсомольской работы, а еще более закрепила и углубила таковую на рабфаке. Коллектив ВЛКСМ за свое существование имеет целый ряд достижений в работе: втягивается в общественную работу вся комсомольца на рабфаке, достигнуто по академической работе улучшение участия комсомола в печати (но все же недостаточно), улучшилась работа в Красной армии (артполк), где выделенные комсомольцы-рабфаковцы руководили среди красноармейцев кружками, ликпунктами, работали в красных уголках и т. д. Со стороны же артполка была помощь в поднятии работоспособности нашего общества ОСО-Лвиахима. Дальше—улучшение работы на производстве, увеличение и улучшение работы партиядра и целый ряд других достижений.

Но параллельно с достижениями имеем в организации ряд и недостатков: недостаточное внимание к культурработе (клубная работа в студ. печати, в добровольческих обществах и т. д.), к быту студенчества (пьянство, мат, мещанство, антисанитария), к квалификации (по академическим и политическим вопросам) студенчества с самого начала учебы, т.-е. с 1-го курса, так как опыт прошлых выпусков подсказывает необходимость проведения этого вопроса.

Итак, комсомолец-рабфаковец за 3-хлетний период своего нахождения в рабфаке приобретает навыки общественной работы, и из него вырабатывается постепенно новый тип общественника высокой квалификации, которому близка рабоче-крестьянская масса и который сумеет свои знания применить в жизни так, как этого требует пролетарское государство.

В этой подготовке кадров советских специалистов комсомольская организация Омского рабфака играет и сыграет возложенную на нее роль.

К. Ашихмин.

ИСПОЛБЮРО ПРОФСЕКЦИЙ РАБФАКА.

Внеучебной работой и жизнью студенчества Р. Ф. руководит исполбюро профсекций—профессиональная студенческая организация.

Исполбюро ведет работу в четырех направлениях: профессионально воспитательном, академическом, хозяйственно-экономическом и культурно-просветительном. Возникновение исполбюро относится к моменту зарождения Р. Ф., т. е. с 1920 года. В различные периоды менялось как организационное построение бюро, так и характер его деятельности.

В годы 1920, 21, 22— внимание тогда существующего бюро было сосредоточено на хозяйственно-экономической работе. При И. Б. существовали комиссии: конфликтная, труда и хозяйственная. Вся страна и зарождающийся Р. Ф. находились в тяжелом материальном кризисе.

Студент, преподаватель, технический служащий—жили на пайке.

Перегруженные преподаватели физически не в состоянии были выполнить возложенную на них задачу. Студенчеством, путем отчислений от своего пайка, создается фонд для дополнительного пайка преподавателя. Существовала трудовая повинность, каждый студент должен отработать в м-ц в пользу Р. Ф. 70 часов физического труда.

Работа в области академической и профессиональной протекала слабо, не имелось определенных конкретных форм работы, главное внимание обращалось на материальное бытие и его улучшение. Слабое руководство было также со стороны выше стоящих студенческих организаций, т. к. таковые тоже не имели опыта в работе. Существовала большая распыленность студенчества по профсоюзам.

В 1922 г., например, из всего состава студенчества (453 человека) членов профсоюза было 202 человека и принадлежали к 20 разным профессиональным союзам.

1923—24 год—начало экономического благосостояния студенчества. Экономическая работа отнимает много времени у членов И. Б. по части организации столовой, общежития, обмундировочного фонда и его распределения и т. д. Выплывает на повестку дня также новый вопрос, раньше бывший второстепенным—академическая работа. И. Б. перестраивается. Хозяйственная секция сохраняется, выделяется организационная секция для увязки всей общественной работы, конфликтная комиссия упраздняется, вместо бывшего культпросветкома организуется политпросвет из представителей профкома, бюро ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ. создается санитарная тройка для наблюдения за санитарным состоянием учебного корпуса и общежития. Создается академическая секция, которая занимает одно из первых мест в работе И. Б.

Вопрос увязки академической работы с общественной приобрел особую остроту после партдискуссии 1923—24 года, которая выявила опасность увлечения студенчества голым академизмом и отрыва от общественной жизни страны и от производства. В Р. Ф. в ячейках ВКП(б) и ВЛКСМ, а также и в И. Б., этот вопрос был подвергнут длительной проработке, и конкретное разрешение нашел в широком вовлечении студенчества в общественную работу, как внутри Р. Ф. в добровольческих организациях, в клубных кружках, а также и на предприятиях среди рабочих. В 1924 году также значительно увеличилось число членов профсоюзов, выделяется специальный работник по профлинии. Все члены профсоюза объединяются 9-ю профсекциями, а к настоящему времени число членов профсоюзов в рабфаке, объединяется 5-ю профсекциями, как-то: металлистов, жел. дорожников, СТС, рабземлес и просвещенцев.

За последние годы на основании решений ВЦСПС и ЦБ пролетстуда И. Б. оформляется, как строго профессиональный орган, хозяйственная работа переходит непосредственно президиуму рабфака— это дает освобождение большому количеству студенчества от хоз. работы, что безусловно, ранее сильно отражалось на учебе. За эконо-мисией остались контрольные функции по целесообразному расходованию студенческих средств и работа по самообслуживанию студенчества.

Кроме того, вообще, много имеет И. Б. текущей работы, как-то: участие в приемных испытаниях, выпуске оканчивающих Р. Ф., ин-структирование студентов, отъезжающих на летние каникулы, и повседневное руководство профсекциями, комиссиями — экономической, академической, культурно-просветительной, по учету общественной нагрузки (последняя организована 1926—27 г.) и санитарной.

Исходя из опыта работы последних лет, можно наметить некоторые моменты для дальнейшей работы. Прежде всего, необходимо больше обратить внимание на тесную увязку общественной работы с академической; шире развернуть работу по профессиональному воспитанию, культурно-просветительную, в последней, перейдя на рельсы внешней работы, поднять самообразовательную работу и т. д. Отказаться совершенно от административных функций, тогда больше будет обращено внимание на выше указанную работу.

В заключение, необходимо сказать, что работа И. Б.—это работа всего студенчества, как в прошлом, так и в настоящем, строится на взаимном контакте с бюро ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ, с президиумом и месткомом рабфака. Разрешение всех студенческих вопросов проходило при активном участии самого студенчества. Ряд трудно разрешаемых задач во всех областях работы, стоявших перед студенческими органами и рабфаком в целом, требовал единения всех сил рабфака. И студенческие организации глубоко признательны преподавательскому составу, который совместно со студенчеством рабфака многое сделал к сегодняшнему дню десятилетия *Великого Октября*.

Баранкин.

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ.

(Работа аккомиссии).

Возникновение академической комиссии (секции) и характер ее практической деятельности неразрывно связаны с самоорганизацией студенчества.

Внимание, существовавшего в начале жизни рабфака, студкома было сосредоточено на хозяйственно - экономической работе. Вся страна и зарождающийся рабфак, как новый тип школы, переживали тяжелый материальный кризис.

Перед студенчеством стояли неимоверно трудные задачи: через свой орган совместно с президиумом Р. Ф. удерживать колеблющуюся материальную почву под собой и рабфаком в целом (обеспечить пайком) и тем обеспечить возможность академической работы.

И если в то время (1920, 21, 22 г. г.) академическая работа не получила своего конкретного оформления и выражения в виде особого органа аксекции при студкоме, то все чрезвычайно трудные задачи, на разрешение которых студком направлял все свое внимание, преследовали одну цель: *дать возможность студенчеству вести учебную работу.*

Метод оценки знаний студентов был зачетный, по своей сущности исключавший участие студенческих организаций в учете знаний студенчества и оценки их. В учебных группах существовали старостаты из трех студентов. Старостат занимался исключительно административной работой (учет посещаемости занятий студенчеством, назначение дежурных) и, не будучи связан со студкомом, всецело подчинялся руководителю группы — преподавателю, назначаемому учебной частью.

Была целая полоса организационных и программно - методических исканий. И только начало 23—24 г. привело к под'ему материального состояния студенчества и устойчивой учебной работы. На место второстепенных задач выдвигаются самой жизнью рабфака наиболее важные и крупные задачи: поднятие и усовершенствование учебной работы, увязка академической учебы с общественностью, переход от зачетной системы учета знаний студенчества к коллективной оценке — групповыми совещаниями. К разрешению этих задач и приступила вновь созданная студкомом академическая комиссия, как контрольно-вспомогательный орган студенчества.

Через свои приводные звенья — старостаты групп, представителей в предметных комиссиях, — аксекция всегда была в курсе учебной жизни рабфака.

Создание комиссии по учету и распределению студенчества на общественной работе явилось несомненным шагом вперед в увязке академических занятий с общественной работой.

Настал 1925 — 26 г., а затем и 26 — 27 учебный год. Эти годы — есть годы особенно напряженных усилий студенчества, „бурные годы“. Я говорю „бурные годы“ именно потому, что на рабфак стремительно влился новый поток лучшей крестьянской молодежи, рвущейся к учебе и знаниям, а хозяйственно-политический рост нашей страны и, в частности, рабфака как раз создал для этого благоприятные условия.

Стали новые задачи: главнейшей из них явилось максимальное проведение новой академической политики Главпрофобра, направленной к повышению академических требований, повышению квалификации нашего студенчества. Эта задача рассчитана не на один год и находит свое практическое разрешение в улучшении качества всей учебно-методической жизни рабфака, в повышении процента академической успеваемости студенчества, качественном и количественном повышении выпуска старшего курса, и все это есть результаты единения пролетарского студенчества с лучшими научно-педагогическими деятелями, смело подставившими свое плечо под тяжелую ношу раб-

фака и вынесшими его совместно со студенчеством из тяжких лет к рубежу десятилетия Октябрьской революции.

За последние годы академическо-учебная работа приняла чрезвычайно сложный характер.

Но, не успокаиваясь на достигнутых результатах в академической учебной работе, мы считаем, что в соответствии с намеченным курсом намечаются определенные перспективы и на будущее.

1) Прежде всего, необходимо обратить внимание на увязку академической учебы с общественной работой, решительно взяв курс на равномерное распределение общественной работы среди студентов, требуя того, чтобы 4 часа, как максимальная норма, были рационально использованы.

2) Повышение академических требований настоятельно диктует рационализировать все виды студенческой работы так, чтобы при реорганизации и плановости работы у студентов оставалось три—четыре дня в неделю свободными для кружковой и самообразовательной работы.

3) Направить и дальнейшее сотрудничество студентов и академической комиссии на совместное с учебной частью и педагогическим коллективом улучшение программно-методической работы и особенно на казако-киргизском отделении.

4) Поставить плановую работу групп академической взаимопомощи среди отстающего студенчества, выделив лучшие силы студенчества и привлекая к этому учебные органы.

Прошло восемь лет, как на развалинах старой буржуазной школы, разрушенной вихрем Октябрьской революции, из кирпичей, оставшихся целыми, выросло и прочно окрепло цементное здание — *Красный Рабфак*.

С. И. Данилов.

РАБФАКОВСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Своя печать на рабфаке появилась в 1922-23 учебном году. Редакция состояла из трех лиц. Ответственный редактор избирался общим собранием, и первым таким редактором был тов. *Казанцев*.

По целому ряду причин редакция работала слабо, но уже и тогда был введен в „Наука и Труд“ уголок „Красного свистка“.

Корреспондентского кружка не было, и газета „Наука и Труд“ выходила случайно, и содержание было случайное.

Правильно стенгазета стала выходить в 1923-24 учебном году, и со второй половины этого года стал выходить „Скорпион“, газета, носившая исключительно злободневный характер. Составлялся он очень хорошо, с прекрасными карикатурами. Много сил и умения вносили в него студенты *Вас. Рыбкин и Крапивницкий*. На выставках стенгазет „Скорпион“ привлекал внимание посетителей, и о нем были сделаны лестные отзывы в газете „Рабочий Путь“.

Стенгазета „Наука и Труд“ также имела определенный успех. Редактором в эти годы был тов. *Шильмовер*.

В эти годы был вообще расцвет рабфакской печати: появились журнал „Рабфаковец“ и „Дискуссионный листок“. Журнал „Рабфаковец“ был выпущен в двух книжках—№№ 1, 2 и 3 (двойной). Первый номер отпечатан на машинке и посвящен IV выпуску рабфаковцев. Материал в нем—строго рабфакский: вопросы организационные, методически-программные и литературные: стихотворения,

рассказы и воспоминания. В журнале приняли участие преподаватели и студенты.

Второй и третий номер отпечатан на стеклографе, но неудачно, с трудом поддается чтению. Материал тоже рабфаковский и самый разнообразный: освещены почти все вопросы рабфаковской учебы, общественности и быта. Имеется литературный отдел—стихи, рассказы и воспоминания об Октябрьской революции. Всего в журнале 178 страниц.

Журнал „Рабфаковец“ дает интересный материал о прошлой жизни рабфака, и, кроме того, свидетельствует о том, что рабфаковцы могут выступать и работать на литературном поприще.

Что касается „Дискуссионного листка“, то он заполнен дискуссией по вопросам быта и философии. Быт разбирается конечно, рабфаковский и главное внимание уделяется половому вопросу. Философские дебаты возникли в среде преподавателей и были вынесены в студенческую среду.

Спорили *Виноградов и Чернецов* о связи сознания с материей, о Богданове и проч. Всего „Дискуссионного листка“ было выпущено 5 номеров.

В настоящее время на рабфаке продолжают существовать «Наука и Труд», изменив свою наружность—на передвижку, и „Скорпион“. Только последний со стены перешел на полотно, стал световой газетой.

Имеется корреспондентский кружок и предполагается выпускать ежемесячный журнал стихов и беллетристики, отпечатанный на машинке.

Старо-рабфаковец.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК НА РАБФАКЕ.

Начало работе педагогического кружка было положено на методическом совещании в феврале 1927 года. На этом совещании преподавательским составом Р. Ф. был сделан вывод о необходимости поднять свою квалификацию в порядке самопереподготовки. Отсюда и решение организовать на добровольческих началах кружок.

Первое организационное собрание кружка было 12 марта 1927 года. Оно было посвящено обсуждению направления и плана работы кружка. Общее направление определялось так: прорабатывать конкретные педагогические вопросы в свете марксистско-ленинского учения, пользуясь материалистическо-диалектическим методом. Круг вопросов—наиболее важные конкретные задачи, которые ставит живая практика. Кружок, обнимая организованное число преподавателей, не замыкает свою деятельность в этой небольшой группе, а передает отработанные в кружке темы в учебное бюро, на специальные широкие методические совещания, на общие собрания коллектива, чтобы работа передавалась в массы и регистрировалась массой. Кроме проработки тем чисто педагогического характера кружок ставит своей задачей: 1) выслушивание кратких библиографических справок о прочитанных книгах, 2) ознакомление с новостями педагогической литературы, 3) выслушивание докладов, сделанных в предметных комиссиях и 4) проработку тем, касающихся узловых моментов внешнего и внутреннего положения нашего Союза, помня, что наша современность, как замечает Шульгин, — „империализм и СССР“ („Осн. вопросы воспитания“).

Собрания кружка по плану должны были происходить 2 раза в месяц. За истекшие три месяца второго полугодия (март, апрель, май) было проведено 6 собраний.

В собраниях участвовало от 9—14 человек, доклады вызывали значительное число вопросов, и в прениях участвовало около 50 проц. посещавших собрания. Наиболее важными докладами были:

1) Рабфак и школа социального воспитания; 2) Коллективизм и индивидуализм в рабфаковских условиях; 3) Школьное и внешкольное воспитание; 4) Основной стержень в преподавании истории. По всем докладам были сделаны практические выводы.

То обстоятельство, что работа начата была сравнительно уже поздно (в марте), не дало возможности развернуть работу кружка, как это намечено было по плану. Кружок не успел связаться с массой. Тем не менее, работа кружка имела результаты. Прежде всего, достигнута была цель самопереподготовки. Преподаватели в организованном коллективе ознакомились с современными педагогическими исканиями путем чтения, выслушивания и обсуждения докладов, путем выслушивания библиографических сообщений, систематизировали и конкретизировали прочитанный материал в применении его в условиях нашей живой практики, выяснили точку зрения на воспитание и образование в рабфаковских условиях и на роль преподавателя в процессе воспитания и обучения. Заключительный доклад председателя кружка обсуждался в президиуме Р. Ф., и некоторые выводы кружка, хотя бы по организации на Р. Ф. внешкольной работы, по вопросу о преподавании истории с начала 27-28 учебного года проводятся в жизнь.

Постановление кружка на последнем собрании перед каникулами о желательности продолжать работу и в новом учебном году осуществлено.

18 сентября состоялось первое после летнего перерыва собрание кружка, на которое явилось 12 преподавателей. Первым вопросом, который поставлен был бюро кружка на этом собрании, был вопрос о международном положении нашего Союза (доклад *М. И. Постникова*). В дальнейшем, характер работы кружка в главных частях остается прежним. Наиболее важными темами для проработки в наступившем учебном году являются:

1) Ознакомление с материалами и выводами по решениям XV-го партсъезда.

2) Вопросы нашей живой педагогической практики (вопросы воспитания и обучения).

Принимая во внимание практику работ прошлого учебного года, кружок имеет возможность проработать до 14 докладов. Количество собраний представляется в таком виде:

1-е полугодие—6 собраний (сентябрь, декабрь—по 1, октябрь, ноябрь—по 2).

2-е полугодие—6 собраний (январь, май—по 1, февраль, март, апрель—по 2).

На первое полугодие намечен уже план работы в таком виде:

2 октября „Результаты анкетирования студентов в прошлом учебном году“ (докладчик *Колтота*).

16 октября „Октябрьская революция и педагогика“ (докладчик тов. *Авдеев*).

13 ноября „Классификация учащихся на Р. Ф.“ (докладчик тов. *Ивановский*).

27 ноября „Половая проблема в рабфаковских условиях“ (докл. т. т. *Ираклиото и Лепорский*).

11 декабря „Об активных методах преподавания“ (докладчик тов. *Львов*).

Кружок, имея в виду в наступившем учебном году выполнить свое постановление о связи с студенческой массой, считает необходимым поставить в расширенном совещании с участием студенчества вопросы: 1) результаты анкетирования; 2) половая проблема в рабфаковских условиях; 3) о комэтике и 4) о воспитательном воздействии преподавателя на студентов.

Кроме этого, последнее собрание постановило призвать к работе в кружок тех студентов, которые интересуются педагогическими вопросами и в будущем думают сами стать педагогами.

Пред. бюро Лепорский.

Внешкольная работа.

„Школа вне жизни и политики— это ложь и лицемерие“.

(Из речи В. И. Ленина на 1 вс. съезде по просвещению в 1918 г.)

„Каждый шаг учения, воспитания надо связать с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров... Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни“.

(Из речи В. И. Ленина на 3 вс. съезде ВЛКСМ в 1920 г.)

ВНЕШКОЛЬНАЯ РАБОТА.

Наша рабфаковская организация, не представляя общества в прямом значении этого слова, является достаточно разнородным (пользуясь выражением Ленина) агрегатом, но так как все отдельные его группы объединены единой целью в порядке самоорганизации и административирования, — в результате чего производится определенная работа, — мы такой агрегат называем коллективом, каждый член которого вправе сказать вместе с Фейербахом: „Я— субъект, но в то же время и объект“. В таких же взаимоотношениях находятся и целые группы (преподавательские, студенческие, служащих), которые, видоизменяя среду, воздействуют друг на друга.

Наиболее организованной группой, поведение которой, как правило, всецело совпадает с поведением — политикой государства, является рабочая группа, имеющая во главе парторганизацию, пользующуюся для осуществления своего максимального влияния и руководства обычными для нее „приводными ремнями“ (профсоюзные, комсомольские, женотдельские и прочие организации).

Прочие группы (не рабочие) составлены из индивидуумов, которые более или менее добровольно признают это преимущественное влияние партийной организации и рабочей группы, осознав необходимость этого, и чувствуют себя в соответствующей степени свободными.

Организованные по тому или иному признаку группы, а в том числе и особая группа, — административно-руководящая (президиум),

находятся, кроме того, под воздействием со стороны: на президиум воздействует наш центральный орган, кладущий в основу своей политики политику нашей партии в целом.

В этом смысле и принято говорить, что в наших условиях, как в капле воды, отражается диктатура пролетариата, находящегося в союзе с крестьянством и стремящегося охватить своим влиянием и использовать и другие классовые группы в своих интересах.

Перед официальным рабфаком и перед рабочей частью нашего коллектива—одна и та же задача: доказать, что мы можем помочь крестьянству (мы—рабфак) и можем использовать прочие группы, степень воздействия которых на качество продукции различна, при чем чрезвычайно, исключительно—значительна—со стороны преподавательской группы.

Все это дает повод говорить о стирании в наших условиях индивидуальных особенностей, о поглощении индивидуума коллективом, но то поднимание до себя нерядовой частью нашего коллектива отсталых лиц, которое фактически имеет у нас место, отождествлять со стиранием, с обезличиванием индивидуума не приходится.

Личность и коллектив—не противостоят друг другу, как правило, но интерес коллектива может и должен лишь подчинить в известных случаях себе личный интерес.

Отсюда,—через коллективизацию к поднятию и освобождению личности, к наилучшему достижению стоящих перед нами целей и задач.

Все эти положения имеют не исключительно отношение к нашей внешкольной работе, а ко всем формам деятельности в нашем коллективе и потому имеют непосредственное отношение и к той форме деятельности, которая носит у нас название внешкольной или более узко, политико-просветительной работы.

2. Цели и задачи, стоящие перед рабфакками.

Давая среднее образование, рабфак является одним из подступов для рабоче-крестьянской молодежи к высшей школе и, кроме того, перед рабфакками задача подготовить в высшую школу такую молодежь, которая бы там в своей массе явилась становым хребтом, служа делу пролетаризации этой высшей школы.

3-4 года обучения, вместо 7-9, возрастной и качественный состав,—все это, несомненно, должно дать своеобразный отпечаток на школьный план, программы, учебники, методы,—на всю совокупность педагогической среды на рабфаке.

Отсюда, в частности, — рабфакковский лозунг: крайняя экономия времени и максимальное использование средств и — практика ленинского правила: „С точки зрения необходимости быстро научиться—всякое послабление—величайшее преступление“.

Нам нужна, очевидно, такая среда, которая способствовала бы выработке коллективистических, организационных навыков, уменья коллективом добиваться поставленных целей, среда, которая бы была тесно связана с жизнью, с международным рабочим движением, которая насквозь, сверху донизу была бы пропитана современностью, при которой наша школа была бы показателем того, что буржуазное общество умирает, что на смену ему идет класс—строитель новой культуры, при чем цели нашей школы—цели этого класса.

Отсюда понятно, что „школа вне жизни и вне политики“, помимо того, что „ложь и лицемерие“, должна быть организована такой, где

„каждый шаг учения, воспитания надо связать с участием в общей борьбе трудящихся против эксплуататоров“.

Мы должны воспитать коммунистов, но „без работы, без борьбы книжное знание коммунизма... ровно ничего не стоит“ (Ленин), наша задача „превратить коммунизм в руководство для нашей практической работы“ (Ленин), чем, по существу, и обусловлено создание у студентов марксистско-ленинского мировоззрения.

Но ведь это же марксистско-ленинское мироощущение и миропонимание необходимы и прочим членам нашего коллектива, не студентам, и они, будучи организованы в профсоюз, эту „школу коммунизма“, в своих лично-групповых интересах должны самоорганизовываться, создавать известную среду, участвовать,—мы говорим,—в политпросветительной работе и на тех же началах, которые нам даны для воспитания студента—коммуниста, при чем, потребность в этом член нашего коллектива—преподаватель, очевидно, должен ощущать и сознавать больше, чем кто-либо.

3. Каждый учитель—политпросветчик.

В старой школе всякого рода кружки, клубная работа, вопросы самообразования учащихся и т. п.,—все это было вне поля зрения школьного педагога и осуществлялось вне и независимо, а часто и вопреки школе.

Другой стала школа в наше время, другие требования предъявляются и к педагогу.

„Всякий современный педагог.. должен так строить педагогический процесс, чтобы ни одна из целей... не выпала из поля зрения.

И математик, и общественник, и словесник, и естественник, и т.д.,—говорит Евстигнеев („Очерки по организации педагогической работы“),—не только способствуют формированию миросозерцания, но и воспитывают волю и характер, развивают чувство, наконец, заботятся о здоровье учащегося. Современный педагог—не учитель только, но и учитель, и воспитатель, а самое образование—воспитывающее образование“.

Все это говорит за то, что, как воспитание и образование—две стороны одного и того же процесса, так и школьная и внешкольная работа неразрывно, по существу, также связаны друг с другом.

Отсюда, — „каждый учитель должен быть политпросветчиком“ (Пинкевич, „Введение в педагогику“),—марксистом,—в отношении своего мировоззрения, и политпросветчиком—в порядке увязывания теории с практикой, и в этом будет завершение образования его личности, как педагога.

4. Наша практика последних лет.

„Жизнь,—по справедливому замечанию Никонова („О дозировке труда един. труд. шк.“),—со всем своим разнообразием все полней и полней входит в обиход трудовой школы. Обоснованное идеологически, практически это вхождение не урегулировано и происходит стихийно. В результате взаимоотношения различных работ в школе находятся в полном хаосе: место, роль и значение учебной, клубной и общественно-политической работы в школе не имеет под собой твердой конституции. Что обязательно и желательно, в какой мере и при каких условиях,—это все не установленные вопросы. Невыясненность их весьма разрушительно действует на организацию работы в школе. Но не только в этом острота вопроса. Нахлынувшая неорганизованно

жизнь захлестнула и педагога, и ученика. Одна обязанность за другой наслаются и на того и на другого; их обязанности делаются все сложней, многообразней и неопределенней.

При таких условиях создается не только нерабочее состояние, но и страшная перегрузка, нередко бесполезная и всегда вредная.. Надо урегулировать и в смысле взаимоотношения частей, и в смысле трудовой дозировки,— это несомненно, как бесспорно и то, что учащиеся все менее и менее удовлетворяются, в частности, постановкой политико-просветработы, а между тем, именно она по преимуществу дает точки опоры при проведении воспитательной стороны педагогического процесса.

В минувшем учебном году общее признание сводилось к тому, что клубная и вообще политико-просветительная работа у нас была поставлена слабо (и не только среди студенчества, но—об этом особо), при чем, среди некоторых групп студенчества определенно намечалось ликвидационное в отношении общественной работы настроение, особенно,—среди первокурсников, из которых некоторые прямо заявляли, что они „пришли в рабфак учиться, а не развлекаться и не общественную работу выполнять. Вот будем в ВУЗ'е, на производстве,—там займемся“.

Однако, параллельно намечались, как среди студентов, так и преподавателей попытки найти причины этих вредных кривотолков, найти и указать и способы их изживания, при чем тогда же, как студенчество в стенгазете, так и преподаватели в своем педагогическом кружке указывали, что выход из тупика, в который попала политико-просветительная работа, исключительно в том, что организация ее будет отнесена к организации педагогического процесса вообще, т.-е. выйдя из исключительного ведения студенчества, будет обслуживаться и последним, и преподавателями.

5. Внешкольная работа и преподаватели, — в порядке общей установки.

То, что носит название внешкольной работы, в рабфаках проводится: внутри стен школы и вне этих стен, как студентами, так и преподавательским составом, но,—как уже было упомянуто, — бессистемно и стихийно.

Если касаться вопроса о формах и методах приложения своей работы со стороны педагога в данной внешкольной работе, то этот вопрос окажется непосредственно связанным с системой и содержанием работы ученических организаций и со стоящим перед последними (по профлинии) задачами, — смежными, параллельными и, во всяком случае, часто общими с задачами, стоящими перед педагогом, при чем, отрицать особое значение форм студенческой самоорганизации в деле воспитания в студентах общественности и общественных навыков отнюдь не приходится.

Вместе с тем, педагог (Пинкевич, „Введ. в педагогику“) ни в коем случае не может считать себя неотвечественным за... самоуправление“ и это положение пока придется принять, так сказать, без доказательств, отметив при этом, что 1) об этой ответственности у нас речь пока совершенно не заходила и даже тогда, когда мы видели резкие ненормальности, отзывающиеся даже на общем учебном деле (кроме, пожалуй, некоторых случаев) и 2) в наших условиях упомянутые органы студентов (совершенно взрослых людей) имеют еще большее значение, чем во всякой другой школе, так как они непосредственно связаны с пролетарскими организациями.

„Но (там же отмечает Пинкевич) было бы очень печально, если бы он (педагог) впутывался без нужды со своими настойчивыми указаниями“, и, кроме того, — „в тех школах, где комсомол, (а, следовательно, и партия) и учительство действует согласно, общая их работа идет стройно и продуктивно“, а отсюда вывод: „задача современного учительства — заключить тесный союз с этими.. организациями, союз, условием заключения которого является проникновение учительства интересами, нуждами, радостью и горем революционного борющегося пролетариата. Если это последнее станет массовым явлением, союз революционных учителей с революционерами — ребятами будет крепок и прекрасен“.

Но это лишь общего характера установка интересующего нас вопроса.

Учитывая работу парткомсомольских органов по линии парткомсомольского просвещения и партийно-политического общего руководства во фракционном порядке всеми организациями, необходимо принять во внимание задачи и работу: 1) культкомиссий студбюро и М. К., 2) профсекций и 3) добровольных обществ, имея в виду работу в стенах рабфака и вне его стен, как это уже было отмечено выше.

Участие педагогического персонала во всей политикопросветительной работе может идти по линии учебной, — это то, что мы до сих пор называли увязкой названной работы с учебным планом, и что, однако, провести физически почти совершенно не удавалось и второе путем индивидуального и непосредственного участия в ней.

6. Организация и виды внешкольной работы.

Центром всей политико-просветительной (как части внешкольной) работы должен быть, очевидно, клуб, около которого будут строить свою работу и добровольные общества и всякие другие кружки, при чем, политико-просветительная работа по обслуживанию масс будет производиться в том же клубе или вне его, но — по его плану.

Отчасти та же работа (по обслуживанию масс) будет проводиться и профсекциями, работа которых об'единяется в студбюро, одна из комиссий при котором ведает регулированием общественной нагрузки студентов, т. е. той работой, которая, опять-таки, не должна быть вне поля внимания педагогов, вообще, и, в частности, учебной части и врача.

Само собой разумеется, что около клуба должны быть об'единены все три группы нашего коллектива: студенты, педагогический и технический персонал, которые должны обслуживаться об'единенной культкомиссией, проводящей свою работу по упомянутому клубному плану и являющейся, по существу, правлением клуба.

Содержание данного плана имеет для всего рабфака колоссальное значение, а потому естественно, что он подлежит рассмотрению не только в М. К. и студбюро, но и в учебном бюро и в президиуме.

Не касаясь здесь детально организации клубной работы, как равно и материальной базы клуба, необходимо, все же, отметить, что в связи с тем очевидным значением, которое имеет внешкольная и, в частности, политико-просветительная (в данном случае — клубная) работа, в ассигнование на учебную часть должно входить и специальное ассигнование на данную работу, в частности, — на постоянного и платного заведывающего клубом, который должен входить в состав правления (об'единенной культкомиссии) клуба.

В области внешкольной работы особо стоит вопрос изучения быта студенчества и влияния на этот быт педагога, при чем, здесь

одно является несомненным, это то, что „учитель всегда должен помнить, — как отмечает Трахтенберг („Бес. с уч. по истмату“), — что ребенок — продукт среды и что, лишь учтя ее особенности, можно успешно воздействовать на ученика.

Помимо этого соображения, несомненно, педагог не может не интересоваться бытом студенчества чисто в учебно-воспитательных целях.

Дело в том, что, помимо приведенных уже соображений, „материал, подносимый ребенку (в данном случае — взрослому человеку — М. П.), должен быть связан с его „бытием“, и только тогда он будет прочно и хорошо воспринят“ (Трахтенберг, там же).

Но не только поэтому „учитель, делая свое чисто государственное дело (Трахтенберг, там же), не может и не должен ограничиваться рамками школы“.

Каждый учитель должен стать проводником в толщу населения марксистского мировоззрения, в частности, принципов научного миропонимания природы и общества. В первую очередь он должен стать истолкователем современного момента и путей строительства нашей республики... Не последнее место занимает и своеобразная „пропаганда действием: участие учителя в кооперации, в советских установлениях, в различных обществах“, — все это может и должно служить примером для студенчества.

Если наш идеал школы — „школа - фабрика“, то наш идеал учителя — ученый педагог, вождь - революционер, и потому то его деятельность должна распространяться, не ограничиваясь школой, и на окружающую общественную жизнь, как хозяйственную, так и политическую, в которой, в то же время, принимает посредственное и непосредственное участие и студенчество.

Что касается той линии влияния на политико-просветительную работу педагогов, которая формулирована выше, как увязка данной работы, с учебным планом, то, во-первых, думается, что это возможно как в результате непосредственного участия педагогов в общей политико-просветительной работе совместно со студентами, так и в порядке руководства деятельностью завклубом со стороны президиума, участия последнего и учебного бюро в рассмотрении плана клубной работы, в порядке участия педагогов в некоторых специальных комиссиях (например, по урегулированию общественной нагрузки студентов) и, наконец, в порядке обсуждения с методической стороны основных вопросов политико-просветительной работы в том же учебном бюро: 1) по собственной инициативе, 2) по предложению президиума и учебной части и 3) согласно заключений отдельных предметных комиссий.

К внешкольной работе отнести и самообразование (не говоря уже о работе библиотеки и читальни, в целом), — самообразование, без которого одинаково не могут обойтись и студенты, и педагоги.

Школьная и внешкольная работа не имеют между собой, собственно, резкого разграничения, и одним из связывающих звеньев той и другой является учет педагогического процесса.

„Учет постепенно проникает не только во всю внутреннюю жизнь школы, но является и одним из методов школьного обучения и воспитания... Основная задача учета и самоучета — это научиться работать... Все остальные цели его достигаются сами собою“ (Челюсткин, „Практика учета школьной работы“).

Нужно ли говорить, что эта сторона нашей работы ждет еще к себе внимания.

Все это и дает право заключить, что в отношении внешкольной работы нами сделано и делается пока еще очень мало, и нам предстоит огромная работа, как в смысле урегулирования частей педагогического процесса и системы его организации в целом и урегулирования дозировки самой работы участников в ней,—будь то студент или педагог—так и в отношении внедрения последнего в эту новую, сравнительно, для него область педагогической деятельности. Наконец, необходимо отметить и то обстоятельство, которое также до сих пор мешало педагогу принимать участие в политико-просветительной и общественной работе,—это его перегруженность. „Общественную работу—нигде и учить—езде“, — эта формула, очевидно, является в данное время и несостоятельной, и устаревшей.

„В среде учительства,—говорит по этому поводу проф. Рубинштейн („Проблема учителя“),—много тяжелых настроений по поводу... „общественной“ нагрузки возникает именно потому, что она идет извне и падает, как тяжелое бремя на плечи, и без того обремененные очень сильно.

Вообще вся эта сфера окажется плодотворной только тогда, когда она будет целиком выведена из сферы принуждения, когда она будет вытекать из собственной потребности и внутреннего увлечения и убежденности“.

„Здесь он не только дает, но и берет.. Общественная роль учительства ясна: нельзя принять задач современной школы и ее методов, не приняв их логических следствий“...

7. Выводы.

В качестве выводов из всего этого в отношении школьного и внешкольного образования, составляющих единый педагогический процесс, необходимо признать:

1. Как и всякий современный педагог, рабфаковский педагог—не только учитель, но и воспитатель.

2. Для него необходимо не только изучение опыта внешкольной работы и попытки влияния на нее со стороны, но и активное и непосредственное участие в ней (наряду и вместе со студентами), без чего и самая внешкольная работа при современных условиях не может быть на надлежащей высоте, что, в свою очередь, может отрицательно влиять и на самую школьную работу.

3. Внешкольная, как и школьная, работа должна иметь в виду воспитание общественности и общественных навыков у всего студенчества, а ровно и перевоспитание, учитывая разнородность рабфаковского студенческого социального состава.

4. Наблюдавшаяся до сих пор во внешкольной работе бессистемность, стихийность и зависимость почти исключительно от студенческих самоорганизаций должна сменить плановость, педагогическое руководство и, в частности, отрегулированность частей во всей системе педагогического процесса и дозировка участия каждого во внешкольной работе, а отсюда неизбежно и внимание педагогического персонала к совершенству студенческих самоорганизаций и контактная работа с этими последними.

5. Центром всей политико-просветительной работы должен быть клуб, около которого необходимо объединить все части рабфаковского коллектива, а клубная работа, при наличии платного заведывающего клубом, должна строиться под руководством объединенной культкомиссии, работающей по плану, охватывающему политико-просветительную работу в стенах рабфака и вне его стен и подлежащему рас-

смотрению, помимо месткома и студбюро, в учебном бюро и в президиуме.

6. Педагоги, принимая непосредственное участие в работе различного рода кружков, добровольных обществ и специальных комиссий при клубе, неизбежно должны уделять внимание и вопросам студенческого быта, имея в виду не только воспитание студентов в духе коммунистической этики, но и невозможность без этого быть понятым при обучении, избегать схоластики в преподавании и т. п.

7. Педагог, кроме того, должен быть проводником в толщу населения марксистского мировоззрения, в частности,— принципов научного понимания природы и общества и истолкователем современного момента и путей строительства нашей республики, участвуя в то же время и в текущей работе в советских, кооперативных и др. организациях советской общественности как по линии хозяйственной, так и по линии политической.

8. Признавая целесообразным сохранение и на будущее время выработанных уже форм и направления самообразования для себя, педагоги должны сообщить опыт и обосновать теоретически постановку дела самообразования и среди студенчества, охватив своим вниманием работу библиотеки (и кружка при ней) и читальни и используя рационально поставленный среди студенчества самоучет в качестве метода школьного обучения и воспитания.

9. Самоучет всей своей работы необходим и для педагогов как в смысле примера студенчеству, так и в отношении рационального использования своего времени при неизбежном условии участия каждого педагога не только в школьной, но и во внешкольной работе.

М. Постников.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ.

Иван Факел.

КТО МЫ?

Мы дети тех, чья кровь веками
Реками бурными лилась,
Кто были вечными рабами,
За кем нужда всегда плелась.

Мы дети тех, кто жертвой пали
В кровавых битвах царских войн,
Кого на каторгу ссылали,
На эшафот вели толпой.

Мы дети тех, кто век кормили
Всю тучу царской саранчи,
Кого по тюрьмам век моржили
Цари, буржуи-палачи.

Мы дети тех, кто десять лет
Назад сражались за свободу,
Кому мы дали свой обет:
Отдать себя всему народу.

За дело дружно мы беремся
И знаем все мы цель свою,
Со тьмой в сражениях мы бьемся,
Мы бьемся с ней в лихом бою.

И силы наши — ураганы!
Уж нам ли тьму не победить?
И не сердца у нас, — вулканы,
Кровь лавой огненной кипит!

Заречный.

НА РАБФАК.

Застучали звонкие колеса;
Паровоз свистком резрезал даль,
Замелькали хмурые откосы,
Засверкала рельсовая сталь.

Я сижу, смотрю в окно вагона
На бегущие в туман края
И кружатся тихим хороводом
Лес, моря и желтые поля,

Голубые скаты, речка змейка,
Выгон, взрытый носом поросят,
Где весной, когда трава зелена,
Мы пасли с братишкой телят.

А теперь я уезжаю в город
На рабфак от тихого села.
Так прощай же, край родной, зеленый,
Край, где жизнь моя семнадцать лет цвела!

РАБФАКОВКЕ.

В твоих глазах сочится просинь,
В твоих глазах упрямства много.
Ты, знаю, помнишь, помнишь осень,
С подсвистом ветра полевого,

Когда ты, смуглая дикарка,
Поклав в мешок свои пожитки,
Ушла... и тихо ворон каркал,
Перелетая на раkitник.

Ушла. Быть может, мать не знала,
С любимым, может, не простилась,
И лишь поток алый плескался
В груди, и сердце возносилось.

И вот теперь рабфак, учеба...
Ты новой жизнью вся охвачена,
Прилежно изучаешь дробь
И маракуешь над задачами.

Ты изучаешь сердца звоны,
Зависимость и отношения
И всевозможные законы,
Молекулярное движение...

Так пусть в глазах сочится просинь
И льется невидимый свет.
Вот в эту розовую осень
Я шлю тебе стихом привет.

С РАБФАКА.

Залихватски стукали колеса,
Паровоз отчаянно свистел.
Дым плескался речкой под откосы,
Под откосы синий дым летел.

Пролетали горы и болота,
Пролетали села и поля.
Мне знакомы эти все пролеты,
Эти в ельник вросшие края.

И еще один пролет знакомый,
Сердце бьется, рвется из груди.
И уж видны вон бугры, уклоны,
Видны крыши, ветлы впереди.

Но вот поезд стал, и закачался
Под ногами цементный асфальт.
Постоял немного... и помчался,
А я к дому полем зашагал.

Дождик только-только что прокапал,
Пыль прибил,—дорога благодать...
И лишь ветер тихо зелень лапал,
Кувыркался, лез в траву играть.

Я какой-то радостью овеян,
И овеян выше всяких мер.
Да, я тоже октябрём посеян,
Всход ядерный дал только теперь.

И теперь опять в село родное
Я с рабфака по полям иду.
И кипит все, за год нажитое,
В моем рьяном молодом мозгу.
Все хочу отдать, отдать деревне,
Что в рабфаке за год получил.
Помогу и я „обычай древний“.
Переменить на „молодой почин“.
Со мной солнце, посмотри, в союзе,
Комячейка вся со мной в контакт.
Вот таких нас в синих блузах
Много, много даст стране рабфак.

Ив. Факел.

АВТОРИТЕТЫ.

(По впечатлениям летней практики рабфаковца).

В большом селе Хныкове пронеслись слухи, что будто разразилась война, что в центральной России мобилизовали мужчин до сорока лет, и почти в каждой избе села Хныкова стала производиться сушка сухарей; почти в каждой избе можно было видеть хлопоты заботливых жен о подготовке к проводам своих мужей—воинов.

Кто принес к ним эти слухи, хныковцы и сами не знали.

— Вот приедет из города Макар *Тютин*, он доподлинных слухов привезет,—говорили хныковцы,—потому человек он разбитной и на все дока.

Вскоре приехал *Тютин*.

Весть о приезде жданного человека разнеслась по всему селу, со всех концов которого сбегались хныковцы во двор *Тютина* с жадной получить от разбитного человека долгожданных доподлинных слухов.

Тютин, увидав перед собой сотни окруживших его односельчан, для которых он в данный момент служит предметом напряженного внимания, встал в позу храбреца, закрутил рыжие усы и на сотни задаваемых вопросов начал:

— Да, кое-чего слышал.

— Да скорей же говори, Макар Потапыч! нетерпеливо кричали женщины.

Тютин гордо осмотрел толпу и продолжал:

— А слышал-то я не от когонибудь, а от ради, значит. Поняли?

— Это что-ж, Потапыч, за штука такая-радия?—спросили несколько человек.

— Эта штука не поддается понятию вашего ума. Эта штука такая, что когда я к ней подошел, она и давай хрипеть...

Хрипела-хрипела, а потом как рявкнет... И давай драть, и давай драть. А говорит она из Москвы. Они, грит, на нас покушаются, и мы сможем на них покуситься... на буржуев, значит. И давай их шить. Шила-шила, шила-шила, а потом, знать, уробела, да как закричит: „Конец“. Это, значит, конец нам всем! Да этак до трех раз, а потом и замолчала.

Толпа тревожно зашевелилась. Послышались всплескивания рук, сдержанное всхлипывание женщин. Старики опустили головы.

— А пока, граждане, в потребилровке есть товар, а в кабаке „русское горе“, то не зевайте,—заканчивал *Тютин* сообщение своих

слушков: и как я с дальней дороги и дюже уморился, то простивайте... Пойду отдохну.

— Спасибо, Потапыч, за то, что не утаил, а сказал всю правду,— сыпались сотни голосов благодарности.

А *Тютин*, довольный собою, скрылся в свою избу.

Через два-три часа в лавках потребобщества и центроспирта от напора покупателей трещали прилавки. Продавцам угрожала опасность. Через два-три часа после приезда *Тютина* мирное и тихое село Хныково превратилось в бушующее, рыдающее и разгульное.

Во многих местах села пели то унылые, то залихватские песни. Во многих частях села разливались рыдания женщин с причетами, наводящими тоску и безнадежность, и как будто все село готовилось к неслышанному бедствию.

В этот жуткий момент из дальнего города приехал к своим родным Алексей *Соколов*. Он всегда в это время года приезжал в село Хныково.

Несмотря на трехлетнюю службу в Красной армии с участием в гражданской войне, несмотря на двухлетнюю учебу в рабочем факультете, Соколов был здоров и как бы переполнен энергией.

Увидав в селе разгулявшуюся стихию, он тотчас же пошел в сельсовет.

Через час по селу бегали полупьяные десятники и в каждое окно кричали:

— На сходку приходи! Алешка рабхваковец приехал. О войне говорить будет. Антиресно, должно быть!

На площади и возле сельсовета сошлись сотни хныковцев. Здесь были и пьяные мужчины, и женщины с грудными детьми, и даже семидесятилетние старики и старухи.

Соколов, наскоро подготовившись, выступил с докладом о международном положении и вообще о текущем моменте.

Говорил он много и понятно.

После доклада один из стариков спросил:

— А правда ли, Алеша, что какая-то радья кричала о конце жисти нашей? *Тютин* нам говорил.

После разъяснения докладчика с громким эхом разнеслась брань по адресу *Тютина*.

— На кой нам нужна война, а он ее нам подставляет!

— Ай нам жить плохо!

— Ай земли нехватает?

— А коли война, так пойдем воевать!

— Зубы, значит, чистить буржуям!

— Что вы кричите, пьяные рожи? Ведь Алеша говорит, что никакой войны нет!— унимала женщина раскричавшихся пьяных.

Собрание закрыли, когда уже надвигалась ночь. Все Алешу благодарили все им остались довольны. Расходясь домой, хныковцы говорили:

— Побольше бы нам таких умных людей, жизнь наша была бы умнее.

Кое где раздавались пьяные возгласы, от которых летело грохочущее эхо вглубь весенней ночи и, постепенно теряя свою силу, походило на замогильные звуки, а вскоре Хныково погрузилось в глубокий сон. Прошла ночь. И теперь не слышно было пьяных разгулов и раздражающих душу женских причетов. Село Хныково снова превратилось в трудящийся муравейник.

НА ПОРОГЕ.

Одни у станков, другие за плугами.
У тех и других—тяжелый физический труд.
У многих—еще винтовка... Несколько лет красных фронтов.
У всех—холод, голод, лишения и... твердая воля к борьбе и победам.

Старое рухнуло. Очищено место.

Творческие силы кипят.

Напрягаются мозолистые руки.

Но—знания, умение...

Они у врагов...

Иль научиться, иль снова надеть цепи?

Ответ: от плугов, от станков, с фронтов гражданской войны,—

Пользуясь вырванной у врага передышкой—в рабфаки!

Осенние призывы: Учеба!

Говорилось когда-то: „привычка к умственному труду должна создаваться с детства. Начавший в зрелом возрасте развивать свой ум—обречен на неудачу“.

Обосновывалось научно.

Доказали: когда вопрос стоит—жить иль умереть рабоче-крестьянскому государству—можно развить когда и какую хочешь привычку.

Грызли, грызут и будут грызть „гранит“, не иначе.

Слабые отходили.

Сильные подвигались вперед.

Первый этап—рабфак—пройден.

Это—настоящее тех, которые взялись за учебу три года назад.

Это—настоящее. А будущее...

В будущем—ВУЗ'ы.

Пройти через них, а дальше—работа.

Не карьера, „не благосостояние“, а работа—претворение своих

Знание в богатство, здоровье, культуру СССР.

Идя в рабфак, каждый рабочий, каждый крестьянин

Знает свое будущее место в армии „красных спецов“.

Не даром же пришел он с земляными руками, обветренный, замасленный, закопченный, но три года учебы открыли широкие горизонты: узнал о существовании таких отраслей науки, о которых и не слыхивал.

И теперь—последние минуты раздумья: последние „за“ и „против“.

А там—окончательное решение и... он переступит порог.

Буревой.

НЕСЛОЖНЫЙ РОМАН.

Два года за одним столом. Не красноречивые признания, а совместная работа связала их. Оба они хотят учиться. Большую часть дня они проводят на глазах друг у друга. Придут утром в классы, встретятся, вспомнят оба о чем-то об одном, рассмеются и крепко пожмут руку друг другу. И так всегда. Занимаются по одной книге, оказывают взаимную помощь. Он, черный, как цыган, с правильно тонкими чертами лица, с острыми подвижными глазами, в которых

всегда можно заметить оттенок сосредоточенности и веселья; высокий, сильный, двадцати трех лет. Она—деревенская девушка, радостная, с круглым белым лицом, высокой грудью, даже красивая. Ее жизнь сложилась из восемнадцати лет, прожитых в деревне, и двух, прожитых в городе на рабфаке.

Вечерами, посидевши порядочно времени за книгой, они иногда выходили прогуляться, чтобы не так сильно болела голова.

— Сережа, ведь скоро каникулы,—сказала она, как бы предупреждая его о чем-то.

— Ну, и что же, это совсем не новость.

— А ты хотел бы, чтобы мы были вместе и эти три месяца?—спросила она. Сергей затруднился ответить сразу.

— Хотел бы,—после некоторого молчания ответил он.—Но ведь это не устроит нас.

Они молча дошли до берега. Апрельская ночь отбывала свое дежурство. Безоблачное небо многократно рябило звездами, и легкий ветерок игриво щекотал руки и щеки. Ласковое сияние луны окрасило землю в синий цвет, и неугомонный шопот льдин был единственным звуком, который нарушал тишину этой ясной апрельской ночи.

— Катя, что тебя заставило спросить меня об этом?—Нарушил молчание Сергей. Тонкая, незаметная улыбка внезапно появилась на ее лице.

— Просто хотела спросить,—осторожно ответила Катя.

— Этот вопрос, мне кажется, требовал от меня высказать свое мнение о нашей женитьбе...

— Да, ты отгадал,—согласилась она. Они опять молчали. Эти минуты были полны какого-то тайного страха, который раздражает и колет сердце ледяными иглами. Они напряженно ждали, когда кто-либо из них нарушит это томительное молчание.

— Я долго, Катя, думал об этом вопросе, меня беспокоил он, но я все-же решил его, быть может, не в твоих интересах,—нервно ломая пальцы, негромко, заикаясь, заговорил Сергей.—Ты, конечно, представляешь себе, что значит жениться в наших условиях. Нам еще долго придется учиться, а если жениться, то это значит забыть об учебе,—уже смелее добавил он.

— Почему ты думаешь, что женитьба помешает нам учиться?—нервно спросила Катя.

— Семейная привязанность и наша необеспеченность отнимут у нас всякую возможность учиться,—пояснил Сергей.

Чувство, которое раньше побуждало Катю говорить о женитьбе, быстро исчезло, и теперь нарождалось новое, которое будило какую-то острую обиду неизвестно на кого.

— Да, я понимаю тебя,—негромко сказала она с оттенком страха в голосе, как бы потеряв что-то дорогое, которое она так бережно хранила недалеко от сердца.

Синие льдины с глухим шорохом двинулись в одну сторону, залезали одна на другую, ломались, шуршали. Луна перешла на другое место и теперь уже смотрела угрюмо и сердито.

Катя и Сергей молча медленно двигались к общежитию.

Дни проходили незаметно. Сергей и Катя оставались попрежнему друзьями.

Знойный июньский день уходил из города.

— Увидимся в сентябре,—сказал Сергей, прощаясь. Катя болезненно улыбнулась и ограничилась молчанием. „Три месяца.. Как это

долго...“ подумала она, глядя в след Сергею, который стройно шагал по пути к вокзалу. Вскоре Катя уехала в родное село и там вспоминала о городе, о рабфаке, о Сергее.

Сергей работал на заводе, где работал и до поступления на рабфак и получал от Кати письма. Он почти не замечал, как спешит каникулярное время.

В сентябре они встретились. Катя казалась какой-то несмелой, словно ее обидел кто, и не заглядывала в глаза Сергею.

— Трудно будет учиться в этом году,—с грустью сказала она.

— Почему?—Спокойно спросил Сергей. Катя смотрела в сторону. Она хотела, чтобы Сергей ее понял без слов и поэтому молчала.

— Нас скоро будет двое,—вырвалось у ней. Какая-то холодная струя внезапно коснулась сердца Сергея.

— Значит...—он хотел что-то сказать и замолчал.

— Да, значит... семья...—досказала Катя.

В общежитии утрами попрежнему переливчиво клокотал звонок, толпились очереди у умывальника, с чайниками бегали по лестницам. Колоннами уходили в учебный корпус и там оставались до трех. Жизнь учебы медленно подвигалась вперед, но не было той совместной работы Сергея и Кати, которая была в прошлом году. Теперь они, как будто, стеснялись друг друга. Катя скоро должна была стать матерью. Она пропускала лекции и отставала в учебе. Ее наружный вид невольно бросался всем в глаза, и, чтобы не замечать этого, она держала себя в стороне. Кате казалось, что над ней смеются и презирают все. Напрягая все свои усилия, чтобы равняться с другими, она все же отставала. Это ее убивало физически и духовно.

Будущее свое Катя представляла какой-то непреодолимой силой, которая превратит ее в бесформенный кусок мяса.

Прошло еще несколько дней, и Катя сменила рабфак на больницу. Сергей об этом узнал и переживал мучительные боли сердца.

Катя опять пришла, но уже не одна, а с маленькой крошкой.

Ее бледное, исхудалое лицо, смиренные, блестящие глаза, тонкий прямой нос, впалые щеки,—все ее лицо напоминало человека, который переживает непосильную тяжесть. Убитый чувством сознания собственного бессилия, Сергей угрюмо протянул руку Кате. Усталый озабоченный взгляд Кати скользнул по лицу Сергея и тут же скатился вниз. На ее лице яркими чертами изобразилась болезнь прошлой любви.

— Не придется мне больше учиться,—почти шепотом пробормотала Катя.

— Тебе виднее...—каким то сдавленным, дребезжащим голосом процедил Сергей.

Она смотрела в землю круглыми влажными глазами, и светлые, прозрачные, как стекло, капли тяжелой обиды катились по бледным впалым щекам.

Катя вскоре уехала в родное село и там вспоминала о городе, о рабфаке, о Сергее.

М. Вредный.

НАЗОЙЛИВАЯ МУХА.

Басня.

Однажды муха... муха... ну,

Навозная, назойливая муха

Увидела пчелу,

Которая с трудом свое тащила брюхо.
И вот она
Задумала сама
Полакомиться медом
И с пчелами компанию свести,
Чтоб с ними вместе жить, работать и расти.
Раз, пролетая огородом,
Позадь одной
Совсем простой
Крестьянской хаты,
Почуяла вдруг ароматы,
Что меду несколько сродни
(А ей всего милей они)
И со всего размаху,
Без рассуждения, без страху,
Прорвавши мошкары кружащей тучу,
Уселась муха в кучу
(Позапасть там медом захотела)
И, ревностью горя,
Ни с кем не говоря,
Свое все вымазавши тело,
В пчелиный улей с гордостью влетела.
„Товарищи, подруги и гражданки“,
Так муха начала, садясь в чужие санки:
„Позвольте вам задать вопрос:
Меня вы примете в совхоз?...
Как видите, работать я умею,
... И сил своих несколько не жалею.
Примите от меня обильный этот взнос“.
Тут пчелы все, зажавши нос,
К нахалке подлетели,
И еле—еле,
Собравши всю пчелину мочь,
Ее с трудом прогнали прочь.

Смысл басни коль понять хотите, между прочим
Скажу, что улей,—то Рабфак,
Иль факультет рабочий.
Забравшийся в него кулак
Такого нанести там может духу,
Что вспомнишь муху.

С. Солодкин.

КОМСОМОЛЬСКАЯ СВАДЬБА.

Когда кончилось общее собрание молодежи, было около 2-х часов ночи. Пастухи весело перекликались, и эхо разносилось по сосновому бору, что обещало хорошую погоду на следующий день. Молодежь группами расходилась, делясь впечатлениями о докладе, сделанном городским инструктором. Петр Доронин, поравнявшись со своим домом, сказал товарищам „до свидания“ и вошел в калитку. Войти в избу он побоялся, чтобы не разбудить отца и не слушать его ругани за позднее гулянье, а решил лечь на телеге.

Уснуť он долго не мог. Думал о прошедшем собрании, о ячейке комсомола, которая только что организовалась, о том, что он те-

Перь комсомолец, больше всего думал о Насте, которую любил с прошлой осени. Вспоминал он, как они первый раз встретились в сосновом бору и с того времени были неразлучны.

„Отец говорил намеренно—думал Петр,—надо женить тебя, чтобы по ночам не бегал, да и работница в хозяйстве будет. Но на ком жениться? Настя бы пошла, да отец ее за меня не отдаст, так как безбожником считает, да еще и в комсомол я записался. На ком же еще? Если не на Насте, так ни на ком.“ Произнес он вслух и уснул.

II.

Утро было, действительно, хорошим. Солнце светило по праздничному и играло своими лучами на церковном куполе. Раздался протяжный гул колокола, зазывающего верующих в церковь.

Никита Доронин хотя и не был безбожником, но церковь не посещал. Он в это утро пригласил кума Демьяна и свата Алексея отведать самогон из новой ржи. Когда его жена Маланья возвратилась из церкви, они допивали второй чайник. Сват Алексей запел какую-то песню, но, видя, что он поет один,—замолчал.

— Честная кампания,—произнес Никита,—скажите, что мне делать с парнем: отца с матерью не слушается, по ночам гуляет и ничего нельзя с ним поделывать?

— Женить надо,—сказал кум Демьян.

— Да я и сам это думаю, но кого же взять?

— Мартену, Григория Ивановича, хорошая девка.

— Какого Григория Ивановича?

— Пузихинского, что церковным старостой лонись был. Эх, и девка, кум. Что сзади, что спереду, кругом шестнадцать. Девка умная, будет парня в руках держать, он у нее не вывернется.

— Пойдет ли она?

— Она пойдет, да и Григорий Иванович за твоего сына отдаст с удовольствием.

— А возьмет ли ее Петюнька?

— На то, кум, родительская воля. Если отцу с матерью нравится, должен подчиниться.

— И правду ты, кум, говоришь. Маланья, поди сюда!

По улице прокатилась телега, запряженная парой гнедых коней, на которой сидели четыре парня, играли в гармонику и пели частушки:

Мы по улице идём,

Стены мажем, окна бьем,

Нам милиция знакома,

Каталажка нипочем.

Дверь из соседней комнаты отворилась, и вошла Маланья.

— Чего ты орешь, как сумашедший?..

— Послушай, мать, кум советует ехать свататься за Петюньку.

— А куда ехать?

— В Пузиху, к Григорию Ивановичу. Девка, говорит, хорошая, да и приданое будет. Надо торопиться, а то поехали ребята, чтобы не опередили. Он все еще дрыхнет. Иди, разбуди его.

III.

Когда Петр вошел в избу, на столе стоял третий чайник самогона, выпитый больше, чем на половину. За столом сидел один отец, мать стояла у окна.

— Ты где ночь пропадал?—спросил отец.

— Спал под навесом.

— Знаю, как ты спишь. Женим, так не будешь по ночам шляться.

Одевайся, да поедем свататься!

— А куда поедем?

— В Пузиху, к Григорию Ивановичу.

— Это корявую-то?

— Хотя бы и корявую.

— Если она вам нравится, так и сватайте и живите с нею сами, мне ее не надо?

— А ково тебе надо?

— Если хотите, так сватайте Настю Фомину. А если не Настю, так никого.

— А, ты против воли родителей!.. Я тебе покажу, как против отца идти!—И бросился на Петра с кулаками.—Вон из моего дома!

Петр хотел сопротивляться, но вспомнил: „ведь я комсомолец“ и, не сказав ни слова, поспешил выйти на улицу.

IV.

Другой год живет Петр в коммуне. Работает в поле. Посещает политкружок, партийные и комсомольские собрания, активно работает в стенгазете и попрежнему любит Настю, с которой встречается каждое воскресенье в Народном доме, но Настю за него не отдают.

На комсомольскую ячейку коммуны дали одно место на рабфак. Охотников ехать учиться много, место одно. Решили поставить вопрос на общем собрании ячейки.

— Товарищи,—говорит председатель собрания,—нам дали одно место на рабфак. Кого мы пошлем?

„Петра Доронина!“ „Доронина!“ „Доронина Петра!“ — послышалось несколько голосов.

— Возражений нет?

— Нет.

Петр получил командировку и решил поехать на следующий день, чтобы больше с Настей не встречаться. „А то жалко расставаться будет“,—говорил он.

V.

В городе Петр первый раз. Все для него новое, все интересное. Дома высокие, по улицам афиши, приглашающие в кино и театры, телеги какие-то интересные, без лошадей ездят, женщины на велосипедах катаются, пешеходы—и те чуть не рысью бегают, как будто на пожар торопятся—все это Петра интересует.

Рабфаковская учеба, общественная работа и городская жизнь втянули Петра в свой водоворот. Он забыл и коммуны, и Настю, и не заметил, как прошел учебный год.

Солнечные лучи согрели землю, деревья оделись в зеленый наряд, степи покрылись живописным ковром. Рабфаковцы поехали на летние каникулы, поехал и Петр.

Десять верст осталось езды до родной деревни. Петр увидел сосновый бор и только тогда вспомнил про Настю, которую первый раз встретил в этом бору.

„Где теперь она?—подумал он,—наверно, забыла меня и вышла замуж“.

Телега остановилась против общежития коммуны, но встретить Петра никто не вышел: все были на работе.

Вечером комсомольское собрание. Пошел и Петр. Вокруг него собрались ребята, спрашивают про рабфак, про город, и он им охотно дает ответы, не замечая, что все уже собрались. Хотел спросить про Настю, но постеснялся.

— Товарищи, — говорит секретарь ячейки, — разрешите собрание считать открытым. Прошу избрать для ведения собрания председателя и секретаря.

— Петр Доронин!

— Настя Фомина! — слышались голоса.

Петр, услышав имя Насти, не верил своим ушам. Глаза покрылись туманом, и он ничего не видел вокруг себя. И только тогда опомнился, когда кто-то толкнул в плечо и сказал: „Займи место в президиуме“.

Он подошел к столу, за которым, действительно, стояла Настя и объявляла повестку дня. Встретила она его веселым улыбающимся взглядом, он ей ответил тем же и сел писать протокол.

В общежитие они пошли вместе.

— Ты как сюда попала? — спросил Петр.

— Я, когда ты уехал, вступила в комсомол. Отец мне тогда и предложил: выйти из комсомола или оставить его дом. Я выбрала последнее.

Петр молча обнял Настю и уста их слились в продолжительный поцелуй.

VI.

Народный дом не вмещает всех желающих пройти в него.

— Что здесь будет? — спрашивает пожилая женщина свою соседку.

— Сегодня комсомольская свадьба.

— Кто же женится?

— Доронин Петр.

— А кого он берет?

— Настю Фомину.

Так совершилась первая комсомольская свадьба в одной из захолустных сибирских деревень.

Трусов.

ШАГАЙ ВПЕРЕД!

Другу Николаю Ворожжову.

Ты — дней моих товарищ верный,

Любитель жизнь охаживать брат...

Огонь в глазах твоих чрезмерный

Всесильно может мрак сжигать.

Назад пути тебе закрыты.

Дорога к свету широка.

С тобою мы — из стали слиты,

Мы — плоть живая мужика!

Не раз бессонными ночами

По буквам пальцем ты водил;

Не раз над книжными листами

Сон голову твою клонил.

Не раз, с надеждой затаенной

Лишений целый ряд принял.

Не раз, работой изнуренный,

Наш жизни путь ты объяснял.

Шагай же верною тропею,

Шагай вперед. Ты не один:

Идет живая рать с тобою...

Иди ж и ты, деревни сын!

Отзывы студентов ВУЗ'ов бывших омрабфаковцев.

(Выписки из писем).

(Томский Т. И.)... „Как ты уже знаешь, я был командирован на химический факультет и пребывал на нем до зимних каникул, а теперь перешел на механический, где продолжаю свою учебу. Правда, на мехфаке много труднее учиться, но все же пока ташусь—и не в хвосте... Дальше видно будет... Ты, конечно, помнишь, как при даче командировок на мехфак в Томск чуть не дрались за них... А как эти „счастливчики“ попали сюда, то сразу убоялись этого факультета, так как ребята сразу почувствовали, что здесь трудно учиться, и, конечно, постарались перевестись на другие факультеты. Все, же, если учиться в индустриально-техническом ВУЗ'е, то надо *азы математики* знать на зубок. Вот, если ты хочешь шагнуть в такой ВУЗ, то смотри—не брезгуй моим советом...“ (Выпусник 1925 г.).

(Томский Т. И.)... „Так вот Вася, тяжелое время настало: зачеты на носу... Вася! Я тебе уже писал об учебе и говорил насчет математики, а теперь еще хочу сказать: посоветуй ребятам, кто слабо идет по математике, чтобы и не заглядывал в технический ВУЗ. Она окаянная (математика), здесь кругом, да не алгебра с геометрией, а интегральчики и дифференциальчики. А эти друзья весьма и весьма загогулистые и встречаются везде: в механике, физике и т. д. Теперь, Вася, насчет ВУЗ'ов... Ты говоришь, что ребята рвутся в центральные ВУЗ'ы. Но дело в том, что Томск для учебы лучше всех городов. Прежде всего, институт оборудован хорошо. А если мы возьмем для примера московскую горную академию, то она не имеет своих лабораторий, это—во-первых, а во-вторых: эта академия присылает дипломные проекты своих студентов, и они ни к чорту не годятся: такие проекты у нас делают второкурсники. Это значит, что знаний у нас можно получить больше. Дальше, эти проекты у них на 3—4 листах, а у нас выпускники делают длинные проекты в 30 листов: разница, как видишь...“ (Выпусник 1925 г.).

(Саратовский университет)... „Подготовлены ли мы к ВУЗ'у? Судя по тому, как усваиваются нами лекции, можно сказать, что да, подготовлены. Рабфак дал нам достаточно знаний, благодаря которым мы чувствуем себя вполне подготовленными к работе в ВУЗ'е... Передайте от нас привет и благодарность преподавателям. Привет и пожелание успешно закончить учебный год всем омским рабфаковцам“. (Выпуск 1925 г.).

(Военно-морское инженерное училище)... „Пока что могу написать, что Омский Р. Ф. находится на высоте своего положения в отношении подготовки слушателей для высших школ. Это пишу я на основании того, что мне удалось получить на экзаменах лучшие баллы, чем студентам других рабфаков (всего рабфаковцев 20)“. (Выпуск 1925 г.).

(Тот же ВУЗ).... „Подготовка, полученная мною на Омском Р. Ф., пока не оставляет о себе скверного впечатления, по крайней мере, все то, о чем сейчас приходится вести речь, что приходится сейчас мне изучать,—все кажется для меня вполне понятным и ясным. Не знаю, что будет дальше, но пока всем преподавателям Р. Ф. я очень благодарен“... (Выпуск 1925 г.).

ВЫПИСКА

из письма бывшего студента омского рабфака т. П. окт. 25 года (студента индустриальн. педаг. института им. Либкнехта в Москве).

О себе.

В первую неделю считал себя неподготовленным, чувствовал даже подавленность. Развернулись регулярные занятия, чувство подавленности быстро прошло, увидел, что лучше многих других и— дело пошло и идет хорошо и чувствуешь себя не последним; так: у 22 проц. отделения сдано по математике 25 проц. годового зачета, а у меня—50 проц., по черчению—первым; все зачеты, положенные сдавать по частям, сданы полностью и т. д. В сдаче максимума к концу года—уверен (при условии, однако, „здорово нажимать“). В частности, по физике чувствует себя совершенно легко.

При стипендии в 27 рублей в материальном отношении чувствую себя лучше, чем в Омске (при 17-ти).

О других омичах-рабфаковцах.

— Из прежних выпусков в институте: Л., П. и А.—„учатся во всю, из года в год переходя с курса на курс“.

Есть и вечно старающиеся куда-то перевестись, вечно хлопотущие и немилосердно бойкотирующие лекции, думая, что, очевидно, ради только их прекрасных глаз их сразу пересадят в другой ВУЗ на 2-ой курс (группа—немногочисленная), но и среди них выделяется Л., как „некая зоологическая редкость“, обратившая на себя внимание всех студорганizations и претендующая на роль в ВУЗ'е—почетного гостя (ни одного зачета не сдал, да вряд-ли и сдаст).

Как общее правило, наши ребята в ВУЗ'ах идут первыми и, во всяком случае, не отстают, как в „Тимирязеве („Заратустра“)—из-за красивых глаз дивчины“ не идет по линии призвания—на литературный факультет, а К.—ударился в есенинщину, покушался даже на самоубийство и, очевидно,—ничего не выйдет из него.

Об омрабфаке.

П. „дал основательную подготовку“, который, в частности, не оказался в числе тех 75 проц., которые были отнесены по математике к числу не имеющих подготовки за среднее учебное заведение.

В квартирном отношении и в отношении организованности института „далеко до омского рабфака“. Хуже, чем в рабфаке, и академическая сторона.

Худо, что Р. Ф. 3 года знал таких, как К., и, все же, выпустил, да еще в столичный ВУЗ,—таких „надо беспощадно выгонять“.

С кем из ребят ни говорил, буквально все в один голос заявляют: „Да, омский рабфак подковал нас основательно“.

Первоначальное обтесывание голов рабочего и крестьянского молодняка и накачивание необходимыми знаниями омский рабфак выполняет великолепно. Особенно это заметно в ВУЗ'е, где имеется возможность сравнивать на деле, а не на словах с продукцией других рабфаков и школ II ступеней.

(„От имени всех студентов-москвичей последнего выпуска сердечный привет и благодарность преподавателям, которые, не жалея ни сил, ни знаний, засучив рукава, обтесывали наши головы“).

Об институте.

ВУЗ — педагогический, с производственным уклоном, ибо готовит педагогов для школ ФЗУ по следующим отраслям: общественники, физико-техники, естественно-технологи.

Летом — производственная практика, а с 15 марта — работа в мастерских при институте.

Целевая установка — хороша.

Канцелярский штат — раздут, волокита процветает во всю.

Общественные организации работают слабо.

Партячейка — не активна.

Адрес: Москва, Разгуляй, Спартаковская д. № 2.

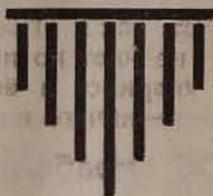
Точность передачи удостоверяю

Зав. омским рабфаком *Постников.*

7/II 1927 года.

ИЗДАТЕЛЬ
Омский Рабфак

РЕДАКТОР
президиум Омрабфака.

Цена 50 коп.

НАВРАНО И ОТПЕЧАНО:
В ТИПО-ЛИТОГРАФИИ
ОМГОСПОЛИГРАФ
Омск, 1927 г.
ЗАКАЗ 198. ТИРАЖ 600.

